

ВЕРОНИКА
ЛЕСНЕВСКАЯ

Мама от
ЧУЖОГО ПАПЫ

НЕСЛУЧАЙНАЯ СВЯЗЬ

16+

НеДетские игры

Вероника Лесневская

**Малыш от чужого папы.
НеСлучайная связь**

«Автор»

2022

Лесневская В.

Малыш от чужого папы. НеСлучайная связь / В. Лесневская — «Автор», 2022 — (НеДетские игры)

— Малыш. Мой? — гремит за спиной, и я резко оборачиваюсь.— Твой, — на выдохе.— Ты солгала мне в ту ночь, — голос Артура режет сталью.— Я была уверена, что мы больше никогда не встретимся, — инстинктивно прикрываю руками живот.— И сейчас лжешь, — все так же холодно. — Ты знала, кто я, и забеременела намеренно. Чтобы потом манипулировать мною.— Я не...— Что же, угадала. Своего ребенка я никогда не оставлю, — в зеленых глазах загорается опасный огонь. — Но ты... исчезнешь из нашей жизни сразу же после родов.*Узнав, что мне грозит бесплодие, я в отчаянии провела ночь с шикарным незнакомцем. Утром мы расстались навсегда, не спросив даже имен. Тогда я и не подозревала, что вскоре увижу его вновь. В доме моего отца...

© Лесневская В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

ПРОЛОГ	5
Случайность первая. Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	40
Глава 11	43
Случайность вторая. Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вероника Лесневская

Малыш от чужого папы.

НеСлучайная связь

ПРОЛОГ

– Малыш. Мой? – раздается за спиной.

Вздрагиваю, захопываю папку с результатами УЗИ. Медленно разворачиваюсь на голос и встречаюсь с адски-пламенным взглядом, что заставляет меня вспыхнуть и превратиться в пепел.

Прижимаю медкарту к груди, будто так смогу защититься. Глупо и поздно. Артур знает о моей беременности – успел поговорить с врачом.

Как назло из папки выскальзывает УЗИ-снимок, планирует в воздухе и ложится на пол изображением вверх.

Пару секунд мы вдвоем смотрим на фотографию крохотного человечка – нашего малыша. Одновременно наклоняемся за снимком и берем его вместе.

Наши взгляды на миг пересекаются. Пальцы сжимают карточку с двух сторон. Артур держит крепко, словно это важно для него. И я сдаюсь, отпуская.

– Мой? – повторяет Артур настойчивее и грубее. При этом не отрывает глаз от изображения.

Просто соври ему, Лиля! И сбеги! Вернись в столицу и забудь этого демона, вырвавшего и сожравшего твое сердце. Потому что не умеет иначе.

Ему не ведомы чувства, он отвергает любовь и ненавидит женщин. Зачем ребенку такой отец?

Но, вопреки здравому смыслу, губы сами размыкаются, проговаривая тихо, но четко:

– Твой, – на выдохе.

– Ты солгала мне в ту ночь, – его голос режет сталью.

Артур протягивает ко мне руку и забирает медкарту, чтобы вложить туда УЗИ-снимок. Не сопротивляюсь. Это всего лишь бумажки. Самое важное – внутри меня. Ему не отнять мечту и смысл моей жизни. Ведь так?..

– Я была уверена, что мы больше никогда не встретимся, – прячу взгляд и импульсивно прикрываю руками живот.

– И сейчас лжешь, – все так же холодно. – Ты знала, кто я, и забеременела намеренно. Чтобы потом манипулировать мною.

На мгновение уношусь мыслями в прошлое. Чуть более двух месяцев назад я узнала, что мне грозит бесплодие. В отчаянии я провела ночь с шикарным незнакомцем. Утром мы расстались навсегда, не спросив даже имен.

Тогда я даже не подозревала, что вскоре увижу его вновь. В доме моего отца...

– Я не...

– Что же, ты угадала. Своего ребенка я никогда не оставлю, – в наполненных гневом глазах играют зеленые всполохи. – Но на его распутную мать моя доброта не распространяется. Ты исчезнешь из нашей жизни сразу же после родов, – припечатывает приговором.

Ошеломленно открываю рот, хватаю воздух, не в силах выдавить из себя ни слова.

– На время беременности переедешь ко мне, – продолжает отдавать приказы, словно он в офисе подчиненных строит, а не с матерью своего ребенка разговаривает. – Но ни слова не говори Софи о нашей... сделке.

Его голос немного смягчается, когда он произносит имя Софи – дочери от первого брака. Единственное слабое место железного Артура. И свидетельство того, что в нем осталось хоть что-то человеческое.

– После родов напишешь отказ от ребенка, – циничная фраза ножом вонзается в мое сердце. – Не переживай, я дам тебе хорошую сумму за это.

Подходит к моей тумбочке, вырывает листок из блокнота и выводит на нем какую-то цифру. Цену моего ребенка. Не хочет озвучивать.

Молча протягивает мне.

– Хорошо, – спокойно соглашаюсь, принимая листок из его рук. На мгновение мы соприкасаемся пальцами, но я тут же отдергиваю кисть.

Артур чернеет от злости и разочарования. Пусть.

– Ты ничем не лучше моей бывшей жены, – бросает с ядом. – Но это даже к лучшему. Проще договориться.

Резко разворачивается, чтобы покинуть мою комнату.

Как только за Артуром захлопывается дверь, я срываюсь с места. Распахиваю шкаф, достаю дорожную сумку, с которой приехала сюда не так давно, и суматошно собираю вещи.

Уеду ночью, а папе записку оставлю.

Идите к черту, господин Мейер! Вы не получите моего ребенка!

Но все же...

На секунду зажимаюсь, вспоминая, как все случилось...

Случайность первая. Глава 1

Тогда...

Лиля

– Беременеть вам надо, барышня. И чем быстрее, тем лучше, – выдает гинеколог, глядя на меня поверх очков.

От его слов мои глаза ошеломленно округляются, а рот принимает форму буквы «о». Хочу сделать вдох и не могу.

Я обратилась с жалобами на нерегулярный цикл. Всего-то. Ожидала, что пропишут мне таблетки гормональные – и отправят восвояси. Но вместо этого мне предлагают срочно сделать ребенка.

– Что-то не так с моими анализами? – откашлявшись, уточняю сипло.

Врач говорит какой-то сложный диагноз, от одного названия которого мои брови взмываются вверх. Смотрю на пожилого мужчину-гинеколога недоуменно, ресницами хлопаю. Вздыхнув, он все же решает снизить до моего уровня и перевести медицинское «ругательство» на нормальный русский.

– Говоря простым языком, ваш запас яйцеклеток истощается, – объясняет доктор. – Каждая сейчас на вес золота. Отсюда и перебои в цикле, большие, порой и по несколько месяцев, перерывы между регулами.

– Чем мне это грозит? – вопрос сам вылетает из моего рта, пока мозг отказывается воспринимать информацию.

– Бесплодием, – невозмутимо сообщает гинеколог. – Так что советую не затягивать с детьми.

Прикрываю глаза и не хочу возвращаться в реальность. Все, что говорит врач, не обо мне. О ком-то другом, ведь так? Со мной бы никогда ничего страшного не случилось!

– Вы же меня вылечите? – с надеждой смотрю на доктора.

– Общее число ооцитов закладывается еще до рождения. И расходуется на протяжении всей жизни женщины. На истощение резерва влияют наследственные факторы, перенесенные заболевания, воспаления, вредные привычки... – вещает доктор, но, заметив мой стеклянный взгляд, переходит сразу к сути. – Нет, мы не можем увеличить количество ваших яйцеклеток. Придется исходить из того, что есть.

– Что мне делать? – выдыхаю обреченно, а глаза щиплет от слез.

– Говорю же, – сурово чеканит. – Беременеть! Приступать немедленно, стараться активно, – заставляет меня покраснеть и растеряться. – Благоприятные дни и овуляцию в вашем случае рассчитать сложно. На то, чтобы забеременеть, потребуется время. И регулярность. Так что берите, барышня, своего жениха – и вперед!

– Нет у меня жениха. И даже парня. Никого нет, – откидываюсь на спинку стула. – Что делать... – повторяю я, но на этот раз обращаюсь к самой себе.

«Забеременеть от первого встречного?» – подбрасывает мозг идиотскую мысль. Испуганно отгоняю ее прочь.

– Тогда есть смысл прибегнуть к ЭКО с донорским материалом, – потирает подбородок гинеколог, а у самого глаза загораются.

– Ой, нет! – лихорадочно отмахиваюсь. – Только не ЭКО!

Врач хмурится. Тем временем я вспоминаю подругу Алису. Она все круги ада прошла. Три протокола. На призрака стала похожей. И в итоге, забеременела от другого мужчины. Естественным путем.

Я, конечно, хочу детей, но не до такой степени, чтобы решиться на ЭКО от донора, которого ни разу в жизни не видела! Дикость! Да и, признаться, денег на дорогостоящую проце-

дуру нет. Я – простой переводчик, а папа – бывший предприниматель, обанкротившийся из-за жесткой конкуренции в курортной сфере.

– Дело ваше. Если передумаете, обращайтесь, – бросает доктор, потеряв ко мне интерес.

– Сколько у меня времени? – уточняю напоследок.

– Этого вопроса я и опасался...

Глава 2

Около двух недель спустя

Лилия

– Я уезжаю на днях.

Сообщаю подруге внезапную новость, а сама нарочито бодро цокаю каблуками по направлению к офису, где работаю переводчиком. Шагаю с высоко поднятой головой и улыбкой на губах. Никто не должен знать, что свой обеденный перерыв я посвятила вовсе не еде – все равно кусок в горло не лезет. Вместо этого в очередной раз «чудно провела время» в гинекологическом кресле. И услышала тот же приговор...

– Что? Куда уезжаешь? – испуганно допытывается Алиса.

– Домой. На юг. Вернусь загорелой, – выдавливаю из себя смешок. – Возьму у Врагова отпуск на месяц, а там видно будет.

Скрываю самое важное. Мне стыдно перед подругой, но иначе не могу.

Не могу рассказать ей, как последние пару недель слоняюсь по клиникам. Сдаю кучу анализов. И как разные врачи в итоге выносят один и тот же вердикт.

На горизонте по-прежнему маячит бесплодие, а в голове бьется раненой птицей: беременеть и рожать. Сейчас или никогда. Становлюсь одержимой этой мыслью настолько, что идея зачать ребенка от первого встречного больше не кажется мне глупой...

– Лиль? – напоминает о себе подруга.

– В порядке все, – вру я, надеюсь, убедительно. – Папа помощи просит. На днях его друг из Австрии прилетает. Большая и богатая шишка, – добавляю с издевкой, потому что не выношу снобов. – С дочкой. Меня вызывают на правах няни. Вот такое «повышение». Буду переводить детские капризы шестилетки на нормальный взрослый. И заодно языками заниматься с ней.

– Как же так, – вздыхает Алиса.

– Это временно, – спешу ее успокоить. – У папиного друга проблемы какие-то за границей, развод тяжелый. В общем, он бросил все, кроме малышки, и приперся на родину новый бизнес открывать. Вместе с отцом моим. Деловыми партнерами будут. А нам это только на руку! Ты ведь в курсе нашего кошмарного финансового положения. В общем, придется «услужить» немного...

На самом деле, я сама напросилась папе помочь. Он лишь обмолвился о том, что благодаря иностранному другу у него появится возможность восстановиться в бизнесе и повысить наш уровень жизни. И я вызвалась приехать, поддержать его.

Я... дурею в мегаполисе. Наедине со своими переживаниями. Не могу так больше. Домой хочу.

– Ты? И в услужение? – хохочет Алиса расслабленно. – Не смей меня, Лиль!

– Так я с малявкой буду, пока ее папка-старикан деньгами ворочает, – фыркаю в ответ. – Мне-то что. С девчонкой справлюсь. Я вон как на твоих «кнопках» натренировалась. Няня года!

Слышу на фоне голоса ее двойняшек – тех самых «кнопочек», как она их называет. И внутри все сжимается. Я присматривала за детьми Алисы, пока она на работу устраивалась. Привязалась к ним сильно, скучать буду...

– Тебе своих детей пора иметь, Лиль, а не чужих нянчить...

Алиса говорит не со злости, но ее слова ранят. Я тоже всегда мечтала о большой семье. Хотела троих детей. Оптимально. По закону сохранения рода. Но теперь... не факт, что хотя бы один появится. И статус матери-одиночки в придачу. Кому я нужна бракованная? Но с последним я справлюсь. Смирилась. Лишь бы забеременеть.

– Это сложно, – выдыхаю, не в силах скрыть грусть в голосе.

– Лиль? – окликает Алиса взволнованно.

Я обязательно ей откроюсь.

Потом. Когда дыра в груди немного затянется. А пока что не могу. У подружки самой проблем выше крыши.

Утешаю себя этим. Ведь знаю, что не права. Алиса обо всем мне рассказывала, а я... Предпочитаю прятаться в панцире. Скрывать боль под улыбкой.

– В общем, как решится все с бизнесом и «стариканом», я вернусь, – шустро перевожу тему.

Перебросившись еще парой фраз, я спешу закончить разговор. Стоит мне спрятать в сумку телефон, как слышу слабое детское хныканье. Совсем я помешалась на беременности – уже дети повсюду мерещатся! Откуда они у Врагова в офисе?

Все же поворачиваюсь на звук и, прищурившись, ищу глазами его источник.

В дальнем углу холла, возле раскидистого фикуса, вижу маленькую девочку. Стоит с плюшевым зайцем под мышкой, всхлипывает. Будто потерялась.

Несмотря на то, что опаздываю на работу, мимо пройти не могу. Да простит меня шеф.

Приближаюсь к малышке и опускаюсь перед ней на корточки. Всматриваюсь в милое заплаканное личико и умиляюсь: зеленые глазки-бусинки, вздернутый носик, покрасневший от плача, пухлые щечки и обиженно-поджатые губки. Темные волосы небрежно завязаны в два высоких хвостика, кое-где пряди выбились и торчат. Сама девчушка миниатюрная, как куколка.

– Бусинка, что случилось? – обращаюсь к ней ласково.

Девочка поднимает на меня взгляд, молчит некоторое время, изучает недоверчиво, но потом все же выдает:

– Я должна была ждать папу. Но... – медлит, губки кусает

– Но-о? – нежно провожу пальцами по ее ручке, сжимающей мягкую игрушку.

– Мне стало скучно. На лифте захотела покататься, – признается неожиданно. – И заблудилась. Не знаю, как вернуться.

С трудом прячу улыбку. Маленькая непослушная хулиганка.

– А сам папа где? – пытаюсь выяснить хоть что-то. – Что он тебе говорил?

– Сказал, что ненадолго зайдет к директору, – лепечет тихо. – А ушел... надо-олго, – шмыгает носиком.

– Так, уже легче. Здесь один директор, – имею ввиду Врагова. – Давай я тебя проведу.

Пожимает плечами. Не спешит соглашаться.

– Не пойду. Папа ругать будет, – хлопает мокрыми ресничками, срываясь на плач.

– Ну, что ты, бусинка, не плачь, – обхватываю аккуратное личико ладонями и бережно стираю слезы. – Не будет.

– Он строгий, – жалуется тихо.

– Потому что любит тебя. И волнуется, – придумываю оправдание человеку, которого в глаза не видела.

– Правда? – сводит бровки.

– Конечно! – выпаливаю убедительно, хотя понятия не имею, какие у них отношения в семье. Может, ее отец и впрямь тиран и самодур. Надеюсь, что нет...

Посылаю малышке добрую улыбку, поднимаюсь и протягиваю ей руку. Подумав, она вкладывает свою крохотную ладошку в мою.

– Идем, – подмигиваю ей.

Собираюсь развернуться и отвести бусинку к Врагову, но замираю как вкопанная от одного лишь голоса, что забирается под кожу и парализует тело.

– Куда? – гремит в спину тяжелый мужской бас.

Не спешу оглядываться. Подсознательно подозреваю, что лучше не встречаться лицом к лицу с обладателем подчиняющего тона.

Бросаю взгляд на малышку и с облегчением отмечаю, как ее губки растягиваются в довольной улыбке. Значит, позади меня отец ребенка. И не такой он страшный, судя по реакции бусинки.

Делаю вдох, отгоняю глупые мысли и собираюсь объяснить «блудному папе», что произошло с его дочуркой, пока он сам дела решал.

– Малышка заблудилась, – намеренно не упоминаю про лифт, прикрываю ее. – И я подумала, что...

Оборачиваюсь, но в этот же момент мужчина пронесется мимо меня, задевая плечом, словно я невидимка. Присаживается напротив дочери, аккуратно берет ее за плечи и, кажется, осматривает с ног до головы. Убедившись, что все в порядке, резко поднимается и хватается дочь на руки.

– Мне не интересно, что вы подумали, – с заметным акцентом бросает мне, даже не обернувшись.

Несет дочку на сгибе локтя, будто она не тяжелее пушинки. Широкими, размашистыми шагами преодолевает холл, направляясь к выходу.

Некоторое время созерцаю широкую мужскую спину, обтянутую дорогой тканью пиджака, и сжимаю руки в кулаки.

– Пожалуйста, – фыркаю вслед.

Мужчина замедляет шаг, слегка поворачивает голову. Все, что я могу рассмотреть: волевой, словно высеченный из камня, профиль, упрямый подбородок, покрытый щетиной, и дужки солнцезащитных очков, скрывающих половину лица. Не понимаю, зачем ему этот аксессуар здесь. Мужчина будто из другого мира. Заблудился, как и его дочь.

– Тетя сказала, что ты меня любишь, – долетает до меня обрывок фразы бесхитростной девчушки.

Что ей отвечает отец, я уже не слышу. Зато наблюдаю, как малышка чмокает его в щеку, смешно морщится из-за щетины, а потом обвивает широкую шею крохотными ручками. Прикрывает глаза умиротворенно.

Уже на выходе, встрепенувшись в ручищах папы, бусинка смотрит на меня с милой улыбкой. И на прощание машет ручкой. Отвечаю ей тем же.

Проводив взглядом маленькую принцессу и ее чудовище-отца, я тяжело вздыхаю. Интересно, если бы у меня была дочь, какой бы она была? Ключевое слово «если»...

Слышу совсем рядом глухой кашель директора. Врагов подходит ближе и останавливается справа от меня. Тоже смотрит в направлении удаляющегося мужчины.

– А кто это? – киваю на закрывающуюся за ним стеклянную дверь.

– Наш иностранный партнер. Будущий, – откашливается и поправляет ворот рубашки. – Надеюсь, – подмигивает мне. – А ты, Лилечка, чего не на рабочем месте? Опаздываем, – ухмыляется ехидно.

Я слегка улыбаюсь в ответ. Знаю, что всерьез Врагов ругать и наказывать не станет. Мировой руководитель. Бабник, правда...

Оценивающе скольжу по нему взглядом. Буквально пару секунд. И тут же одергиваю себя.

Совсем помешалась на своем желании иметь детей! Пошлые мысли в голову забираются. Отдохнуть мне от всего нужно. От врачей, от мужчин, от проблем своих. И сменить обстановку.

– Александр Антонович, я увольняюсь, – решаю неожиданно для самой себя.

*История Алисы – в книге *"Двойня для босса. Стерильные чувства"*.

*История Врагова – в книге *"Близнецы от врага. Чужая тайна"*

Глава 3

Несколько дней спустя

– Эйс, фу! Место! – рявкаю на папиного пса, который слишком громко рычит мне на ухо.

Просыпаюсь от собственного голоса. Резко подскочив, бьюсь головой обо что-то, ойкаю и, хлопая ресницами, осматриваюсь по сторонам. Осознаю, что я еще не дома, а трясусь в купе поезда. С верхней койки, об которую я, к слову, и ударилась, доносится звучный храп.

Поднимаюсь и, уперев руки в бока, некоторое время гипнотизирую взглядом спящего мужчину средних лет. Это не Эйс – не прогонишь прочь. Поэтому выхожу сама. По пути беру телефон и кидаю взгляд на женщину и парня лет шестнадцати – жену и сына «громкого пассажира». Спят без задних ног. Видимо, привыкли к «фону».

Выскальзываю в тамбур, становлюсь у окна, вглядываясь в непроглядную тьму. Задумчиво прокручиваю в руках смартфон. На часах далеко за полночь. Поздно. Все-таки не выдерживаю и набираю родной контакт.

На том конце провода звучит сонный, но взволнованный голос:

– Лиленок, ты уже приехала? Я встречу!

– Нет, подожди, пап, – смеюсь я. – В поезде еще. Просто соскучилась. Как дела у вас?

– Нормально, замотались днем. С нами Софи сегодня, – делает паузу, а потом, спохватившись, поясняет. – Дочка друга моего. Та еще юла, – жалуется, но с теплом в голосе.

– А отец ее? – бурчу недовольно.

Внутренне негодую. Хорош бизнесмен! Сбросил дочку на посторонних людей и смылся куда-то. Папа что не надо!

– Артур в разъездах. По делам, – пространно отвечает. – Наверное, уже к утру будет.

Понятно, какие у него «дела» ночью. И почему мне кажется, что с совместным бизнесом не все так радужно будет? Рано папа обрадовался. Но я его понимаю. Он хватается за любую возможность, чтобы увеличить доход семьи.

Семьи, которая не так давно стала больше... До того, как папа «прогорел» в бизнесе. Но запросы моих новых родственников остались прежними.

Тяжело вздыхаю, когда слышу на фоне недовольный голос мачехи:

– Мишенька, кто там трезвонит так поздно? – звучит, как пенопластом по стеклу. – Меня и так мигрень весь день мучает. Еще и поспать не дают, – причитает, давит на жалость. – Алиночке в универ завтра рано вставать, – добавляет гордо.

Алина – моя сводная сестра. Слишком избалованная для своих девятнадцати лет, но хотя бы не лицемерная. В отличие от...

– Лариса, – осекает новую жену папа.

– Ладно, пап, я тоже спать, – вру я, не желая ставить его перед выбором. – До встречи.

– Я люблю тебя, Лиленок, – шепчет ласково.

– И я тебя, – выдыхаю, когда связь обрывается.

Задумчиво вожу пальцами по потухшему дисплею, а потом прячу телефон в карман шорт. Хочу приподнять окно, которое никак не поддается. Прикладываю усилия – и морщусь от противного скрипа рамы.

Порыв ветра вторгается в тамбур. Освежает лицо, развеивает мои волосы и забирается под футболку.

Покрываюсь мурашками. Холодно. Вместо того, чтобы вернуться в купе, я полной грудью вдыхаю морской воздух. Влажный, соленый, липкий.

Я скучала по дому. Но сейчас мне там не рады.

Поезд останавливается на станции. Я сразу узнаю это место. Даже в темноте вижу вдалеке мой любимый пляж у скалы. Днем с нее ныряют в море безумные, жаждущие острых ощущений

ний туристы, но в такое время она пустует. Раньше я любила сидеть там в одиночестве, свесив ноги с выступа, и любоваться ночным морем.

Тянусь рукой ко рту и сминаю пальцами нижнюю губу. Я непроизвольно делаю так, когда нервничаю.

До дома ехать чуть более часа. Потом придется дергать папу, чтобы он меня встретил, выслушивать бурчание мачехи, что ее разбудили посреди ночи...

Или...

Снимаюсь с места и мчусь в купе. Натягиваю джинсы, надеваю куртку поверх футболки, перекидываю через плечо сумочку с деньгами и документами. Молюсь, чтобы поезд задержался на станции и позволил мне сбежать.

Хватаю чемодан. Тяжелый, зараза. Вроде брала только самое необходимое!

Несмотря на непосильную ношу, я ускоряю шаг. Вылетаю из поезда за несколько минут до его отбытия. Выдыхаю шумно. И с улыбкой смотрю вдаль.

Я немного побуду здесь, зарядюсь положительной энергией, а утром – к папе!

Волоку по земле неподъемный чемодан, чтобы сдать его в камеру хранения. Избавившись от непосильной ноши, выдыхаю с облегчением и прячу ключик в сумочку.

Запахавшись, неторопливо бреду в сторону набережной. Она изменилась за те несколько лет, что я жила в мегаполисе. На некогда пустынной местности, как грибы после дождя, разрослись безвкусные ларьки и кафешки. На чем только не пытаются заработать ушлые бизнесмены. Наверное, так и нужно «крутиться», но я скучаю по нетронутому дикому пляжу.

Прежде чем направиться к скале, захожу в одно из прибрежных заведений. Занимаю стул возле барной стойки, заказываю сок и пирожное. Не сразу замечаю, что на меня смотрят, как на идиотку. Но желание клиента – закон.

Мельком оглядываюсь по сторонам: танцующие тела на площадке под открытым небом, пьяные мужчины, откровенно одетые дамы... Кажется, вместо обычного кафе меня занесло в некое подобие ночного клуба. Логично, что в такое время суток только он и работает.

– Хотите секс на пляже?

Давлюсь глотком сока и закашливаюсь. Сквозь выступившие слезы наблюдаю, как на соседний стул опускается мужчина. Мускулистый, рослый. Футболка обтягивает рельефный торс, будто специально на размер меньше подобрана.

Незнакомец проводит рукой по своим блондинистым волосам, напоминая при этом модель из рекламы шампуня.

– Коктейль даме, – щелкает пальцами, подзывая бармена.

Оценивающе скользит по мне взглядом, заставляя поежиться, и улыбается во все тридцать два. Словно вот-вот достанет из кармана тюбик зубной пасты и предложит мне ее купить.

Странный тип. И явно не местный.

– Нет, спасибо, – поворачиваюсь к барной стойке.

Незнакомец придвигается ко мне, одну ладонь укладывает на край стола, а второй касается моего плеча. Оказываюсь зажата в кольцо его рук. В нос ударяет противный сладковатый запах парфюма. Как по мне, совсем не мужской.

– Предлагаю провести ночь вместе, – блондин призывно играет бровями.

Так просто? Без «прелюдий»? Хотя, наверное, в подобных местах таким образом девушек и «снимают».

С другой стороны, вот он – тот самый первый встречный. Одна ночь без защиты – и расстанемся навсегда. Разве не идеально?

В очередной раз окидываю блондина взглядом. Изучаю...

Не вижу его в роли отца моего ребенка, хоть убейте! Что он даст малышу? Волосы и зубы из рекламы? Меня даже от мысли об этом передергивает.

Кажется, пора задуматься об ЭКО. Судя по всему, на случайную связь с незнакомцем я пойду только в том случае, если это окажется Джеймс Бонд с тремя высшими.

Отрицательно качаю головой, ввергая блондина в шок, и высвобождаюсь из липких объятий. Пользуясь искренним удивлением отвергнутого мачо, иду через танцпол к выходу.

Расслабленно выдыхаю, думая, что легко избавилась от навязчивого кавалера. Но вдруг меня хватают за локоть, прокручивают – и я вжимаюсь в крепкое мужское тело. Чувствую внутреннее отторжение. До тошноты.

Блондин смотрит на меня сверху вниз со слащавой улыбкой. Секунда – и она сменяется кривой ухмылкой.

– Мне никто никогда не отказывал, – выдает он свой главный аргумент.

– Значит, я буду первой, – фыркаю ехидно.

– Это я буду у тебя первым сегодня, – обдает дыханием шею.

Когда раздавали мозги, этот красавчик стоял в очереди за волосами и зубами.

– Припозднился немного, – прыскаю смехом. – Лет так на восемь.

Веселье заканчивается, когда наглый блондин выводит меня из заведения, тащит за угол и грубо впечатывает в деревянную сваю. Пытаюсь вырваться из цепких лап, но не могу. Видимо, за силой и мышцами этот мужчина тоже очередь занимал.

– Отпусти, – начинаю паниковать. – Кричать буду!

– О да, ты будешь кричать, детка, – тянет противным голосом.

Что за фразы и тон? Будто на порнороликах учился пикапу. Спасибо, хоть не по-немецки.

Набираю полные легкие воздуха, чтобы заорать, но блондин вдруг сам отшатывается от меня.

Недо-мачо кто-то хватает за шкуру, как щенка, и легким движением отбрасывает в сторону. «Рекламная модель» не сопротивляется, не дает отпор, а медленно оседает на песок. Выставляет ладони перед собой в знак капитуляции. Куда же делся былой запал?

Неуверенно поднимаю взгляд на своего спасителя. В темноте видны лишь мощная фигура и смутные черты, но его энергетика окутывает и поработает.

– Брысь отсюда, – звучит тихо и спокойно, но с угрожающей сталью.

Блондин мгновенно подскакивает на ноги – и быстро исчезает, высекая пятками песок.

Понимаю его. Я и сама готова сбежать немедленно. Брысь – и как можно дальше. От мужчины, который меня защитил.

– Или я помешал? – обращается он ко мне.

Подходит ближе, а я инстинктивно вжимаюсь спиной в стену, будто пытаюсь просочиться сквозь нее. Мужчина останавливается, складывает руки в карманы. На огромный силуэт падает свет из клуба, и я невольно рассматриваю его.

Высокий, темноволосый, с короткой бородкой. Одет в потертые джинсы и обычную футболку без принта, скрытую под спортивной курткой. Все так просто, небрежно, будто мужчина за хлебом вышел.

Я бы подумала, что местный житель, но акцент выдает его с головой. Значит, турист. Издалека. Отпуск закончится – и он уедет навсегда. Сохраняю эту мысль на подкорке сознания. Не знаю, зачем.

– Ч-что? – пишу, заикаясь. – Нет, наоборот! С-спасибо.

– Посещая подобные заведения, вы должны понимать, что вас здесь ждет, – выдает поучительно.

«Зануда!» – выношу ему приговор, а сама вслушиваюсь в акцент. Напоминает языки западногерманской группы.

Интересно, откуда этот «пришелец»?

– Я случайно, – оправдываюсь зачем-то. – Перепутала с кафе.

– Вы не умеете лгать. Не пытайтесь, – говорит снисходительно, будто знает меня. Или повидал «таких» на своем веку. Но он не прав.

– Не умею, – соглашаюсь, а потом осознаю смысл его фразы. – Но я действительно не знала...

Обидно становится. Раздражаюсь и нервничаю. По привычке касаюсь пальцами нижней губы, надавливаю. Ловлю на себе тягучий мужской взгляд – и отдергиваю руку.

– Подвезти? – опасно, с хрипотцой.

Сесть с ним в машину. Остаться в замкнутом пространстве. Наедине?

От одной лишь мысли об этом дыхание сбивается, по спине проносятся мурашки, устраивая бешеные гонки, а в солнечном сплетении вспыхивает пожар.

– Нет! – отрицательно качаю головой, как болванчик. – Я еще погуляю, – выпаливаю первое, что в голову приходит.

Мужчина почему-то хмуро сводит брови к переносице. Окидывает меня оценивающим взглядом. Чувствую себя не то чтобы обнаженной, а, скорее, прозрачной. Словно под рентгеном.

– Всего доброго, – бросает он совсем не по-доброму и, развернувшись, быстро шагает по песку.

Некоторое время смотрю ему вслед и ощущаю какое-то необъяснимое чувство дежавю. Провожая мужчину взглядом вплоть до того момента, когда он достигает автомобильной площадки и садится во внедорожник лексус серебристого цвета.

Удивленно округляю глаза. Да уж, первое впечатление обманчиво. Так и хочется проговорить голосом известной советской актрисы: «Наши люди в булочную на лексусе не ездят».

Прищуриваюсь, сканирую номер, и замечаю значок Евросоюза. Хоть в чем-то я не ошиблась: иностранец.

Автомобиль резко трогается с места и мчится прочь, оставляя за собой лишь клубок пыли.

Запахиваю куртку, остро ощущая себя уязвимой. А еще возвращается давно знакомое мне чувство одиночества. Я даже не заметила, когда именно оно отступило на время.

Глава 4

Морской воздух окутывает прохладой. Из клуба доносятся бахающие звуки, заставляя меня поморщиться и вздрогнуть. Спешу оставить это громкое и порочное место.

Приближаюсь к морю. Осмотревшись и убедившись, что вокруг никого, я скидываю кроссовки и подкатываю штанины джинсов. Одной ступней легко касаюсь воды, пробуя ее температуру. Ледяная. Но это меня не останавливает. Задержав дыхание, вхожу в море по щиколотку.

Освежает. Мысли проясняются.

Так и бреду вдоль берега, рассекая ногами мелкие волны. От холода складывается впечатление, будто кожу пронзают мелкие иголки. Но игнорирую дискомфорт, продолжаю двигаться. Слишком соскучилась по морю.

Направляюсь к скале. Приблизившись, шустро обуваюсь и забираюсь наверх.

Чувствую, что я здесь не одна. Еще до того, как вижу... Его.

Стоит спиной ко мне, не двигаясь, и всматривается в горизонт. В свете луны похож на бронзовую статую.

По мощной фигуре узнаю своего недавнего спасителя. Видимо, приехал сюда другой дорогой и «занял место» раньше меня. Сталкиваться с ним вновь и общаться не хочется.

Подавив судорожный вздох, решаю уйти незамеченной.

Резкий разворот – и поскальзываюсь на россыпи мелких камней. Ойкаю испуганно, тут же зажимаю рот рукой, однако...

Поздно. Миссия провалена.

И все же делаю пару неуверенных шагов.

– Стоять! – приказывает, даже не оглянувшись.

Замираю, забывая даже, как дышать.

– Вы следите за мной?

Медленно поворачивается и впиается в меня пылающим взглядом. Словно цербер, оберегающий свое личное пространство. Правда, я на него и не претендовала.

– Еще чего! – фыркаю на нервах. – Это вообще-то мое место!

Прищуривается скептически, руки в карманы складывает.

– Договор аренды? – уточняет цербер.

– М-м-м? – недоуменно взмахиваю ресницами. – Нет, я имею ввиду... Я с детства тут бываю. Мое любимое место.

– Ясно, – быстро теряет интерес. – Здесь неплохо.

Небрежным жестом позволяет мне остаться.

С деланной смелостью подхожу к краю скалы, присаживаюсь, свесив ноги с выступа. Цербер хмыкает и опускается рядом.

– Здесь красиво, – исправляю его. – Главное, чтобы и сюда не добралась... «цивилизация», – киваю назад, в направлении, где раскинулись клубы и кафе.

– Что плохого в том, чтобы облагородить дикий пляж? – черные брови взмываются вверх.

– Облагородить, но не опошлить, – качаю головой и устремляю взгляд вдаль. – Я помню прибрежную полосу нетронутой. Именно этим она и манила отдыхающих. Вы слышали об экотуризме? – мельком смотрю на цербера, но сразу же отвожу глаза.

– Разбираетесь в турбизнесе? – в голосе мужчины проскальзывают деловые нотки, будто мы бизнес-партнеры на совещании.

– Немного, – отвечаю пространно, потому что не хочу выдавать лишние сведения о себе. – Я работала в крупной туристической компании.

Умолкаю, не упоминая ни названия фирмы, ни имени Врагова.

– Так что с экотуризмом? – цепляется цербер за мою фразу.

– В последнее время он набирает обороты, – решаю не вдаваться в подробности. – Но это не объяснить бизнесменам, которые хотят легких денег и ежеминутной прибыли. Не удивлюсь, если завтра какой-нибудь «умник» решит отель выстроить у скалы...

Мужчина внезапно закашливается. Сильно, надрывно. В определенный момент начинаю волноваться. Протягиваю руку, чтобы по спине его похлопать, но все прекращается так же неожиданно, как и началось.

– Не любишь бизнесменов? – спрашивает хрипло, резко переходя на «ты».

Подсознательно принимаю его ненавязчивую попытку сближения. Не люблю условности и излишние церемонии.

Мы – два обычных человека, которые встретились на отдыхе. К чему нам «выкаты»?

– Хм, не так, – уточняю, задумчиво надавливая пальчиком на свои губы. – Не переносю людей, которые идут по головам ради достижения личных целей. Сфера их деятельности не имеет значения...

– Говорят, своя рубашка ближе к телу, – многозначительно тянет цербер, внимательно следя за каждым моим действием.

– Да. Но не в том случае, когда она сорвана с остывающего тела нищего, – складываю руки на коленях. – Разве нельзя жить хорошо, но при этом не делать плохо другим?

Взглянув на мужчину, успеваю заметить, как уголки его губ дрогнули в некоем подобии улыбки.

– Ты идеалистка, – насмехается надо мной.

– М-м-м, как ты интересно словосочетание «наивная дура» завуалировал, – прыскаю ехидно.

Секундная пауза, испепеляющий взгляд с зеленым огоньком в глубине – и лихорадочный мужской вздох.

– Отнюдь, – цербер вновь становится серьезным. – Я привык прямо говорить то, что думаю.

– Ты ведь иностранец? – направляю нашу беседу в иное русло. – Откуда так хорошо знаешь русский?

– Мама – украинка, – выдает честно. – В детстве часто говорила со мной по-русски. Да и вообще я во многом похож на нее...

– Ясно. Она на отдых не приехала с тобой? За границей осталась? – сыплю вопросами, словно мы близкие люди.

– Мама умерла, – сообщает цербер ровным тоном. – Давно.

Цербер умело прячет боль под непроницаемой маской. Но я все чувствую.

– Прости, – чуть слышно. – Моя тоже.

Молчим. У каждого из нас своя рана. Старая, но не до конца затянувшаяся. Кровоточит без срока годности.

Наши эмоции рвутся наружу и электризуют воздух вокруг. Однако мы оба сдерживаемся. Невыносимо.

– Цефей, – указываю пальцем в звездное небо, чтобы разорвать гнетущую тишину.

– Что? – сводит брови мужчина, но все же запрокидывает голову.

– Созвездие Цефей, – поясняю. – Вон тот неправильный пятиугольник, – очерчиваю пальцем в воздухе.

– Хм, – поворачивается и окидывает меня критическим взглядом.

Типичный мужчина! Ни капли романтики!

– Созвездие названо в честь древнегреческого царя Цефея, – продолжаю умничать, дико опасаясь нового витка нашего молчания. – Согласно мифу, он отдал свою дочь в жертву морскому чудовищу и...

– Хреновый миф, – гавкает цербер и рывком поднимается с земли, оттряхивая джинсы. Искренне не понимаю, почему он вдруг вспылел. Следую его примеру, но встаю чересчур резко. Спотыкаюсь о булыжник и отшатываюсь назад, теряя равновесие.

С трудом балансирую на самом краю выступа, спиной к морю, рискуя сорваться вниз.

Выставляю руки перед собой, хаотично взмахивая ими и пытаюсь ухватиться хоть за что-то. Чувствую, как горячая мужская ладонь окольцовывает мое запястье. Но этого оказывается мало.

– Замри! – с грудным рычанием приказывает цербер.

Однако мое тело не слушается: его будто тянет вниз мощнейшим магнитом. Ноги соскакивают с острого края. Лодыжку простреливает болью. Но мне так страшно, что я игнорирую травму.

Запястье выскальзывает из спасительной хватки. Свободной рукой хватаюсь за футболку мужчины, дергаю на себя, заставляя его потерять точку опоры. Но делаю только хуже для нас обоих. Теперь мы вдвоем оказываемся на краю. Рисуем сорваться со скалы. Вместе.

Пальцы соскакивают с ткани. За какие-то доли секунды цербер меняется в лице, принимая роковое решение. Вместо того, чтобы помочь, он... толкает меня со всей силы. Как можно дальше от выступа.

В панике распахиваю глаза и со звонким криком лечу в море.

Каждая секунда падения кажется мне вечностью. Ощущение, словно кто-то замедлил кадр фильма... ужасов. Я больше не принадлежу сама себе, не контролирую. Свежий ночной воздух окутывает тело мягкой подушкой, но он не в силах удержать меня. Пробиваю брешь в этом внезапно образовавшемся вакууме – и резко ухожу под воду.

Чувствую неприятную боль в спине и бедрах, будто меня отшлепали только что. В ушах шумит, глаза щиплет от соли, холод вонзается в кожу миллиардом иголок, парализуя меня.

Беспорядочно размахиваю руками в плотной толще воды, умудряюсь вытолкнуть себя на поверхность буквально на миг. Выныриваю. Но вместо того, чтобы сделать вдох, я лишь распахиваю рот. Мой стон тут же глушится стихией. Вместо такого необходимого мне сейчас кислорода я заглатываю большую порцию воды, которая окутывает горло льдом и частично проникает в легкие.

Хочу откашляться, но это невозможно. Открываю и закрываю рот, как рыбка, выбросившаяся на берег. Только в моем случае все наоборот. Глаза округляются от страха, но я ничего не могу рассмотреть в темной плотности воды. И только делаю новые и новые глотки, медленно уходя вниз.

Теряю всякую надежду на спасение, но продолжаю бороться, от этого лишь быстрее устаю, а в легких заканчивается воздух. «Зыбучие пески» моря стремительно засасывают меня.

В какой-то момент чувствую, как мое тело взмывает вверх. Под грудью давит до тошноты.

Но забываю о дискомфорте, как только моя голова оказывается над поверхностью воды. Кашляю надрывно. Хочу сделать вдох, но горло сводит судорогой.

Инстинктивно луплю руками по воде. Думаю, что помогаю себе удержаться на плаву, но на самом деле лишь усложняю задачу тому, кто крепко обнимает меня сзади. Здравый смысл тонет в хаосе паники.

До моего слуха доносятся отборные немецкие ругательства. И я впервые в жизни жалею, что изучала языки и выбрала профессию переводчика. Потому что понимаю каждое слово – и мне становится неловко. Особенно, когда я осознаю, кто именно так выражается.

– Тихо! – звучит уже по-русски, с акцентом. – Не брыкайся! Обоих под воду утянешь, – гавкает цербер мне на ухо.

Он раздражен и... взволнован.

Наконец, делаю глубокий вдох и сбивчиво выдыхаю. Обмякаю в сильных мужских руках. Но стоит лишь церберу ослабить хватку, как я вновь камнем ухожу под воду. Успеваю в оче-

редной глотнуть противной соленой жидкости. Напилась ее на всю жизнь! Хотя если так продолжится дальше, то мне не так уж много и осталось...

Душащий кашель сковывает легкие. Ощущаю, как цербер запускает пятерню в мои волосы и тянет так, чтобы я запрокинула голову, а лицо подняла вверх. Получаю возможность сделать нормальный вдох, но легкие горят. Вторая рука мужчины сильнее сдавливает меня, до жжения в солнечном сплетении.

– Успокойся, иначе отпущу, и тебе придется самой до берега плыть, – рычит грозно на ухо, прижимаясь щекой к моему виску.

Почувствовав, что я послушалась и замерла, цербер отпускает мои волосы. Прокручиваюсь в его руках, и мы оказываемся лицом к лицу. Цепляюсь за широкие плечи, смотрю в прищуренные глаза. Мелко дышу, пытаюсь прояснить мысли и заставить себя успокоиться.

– Не отпускай, – выходит жалко. – Я плавать не умею, – хнычу умоляюще.

Прищуривается с подозрением, недоуменно сводит брови к переносице.

– Не отпущу. Только не сопротивляйся.

Мы находимся так близко, что последнюю фразу он выдыхает мне в губы. Свежей мятой. Никакого табака или алкоголя, которым буквально разило от мачо-блондина.

«Без вредных привычек», – мысленно ставлю плюсик в воображаемом списке нужных качеств. Для отца здорового ребенка...

Не пьет, раз уж даже на отдыхе за рулем, не курит. А умереть рискует от того, что неуравновешенная местная утопит его.

Беру себя в руки, киваю церберу, но все же теснее прижимаюсь к нему. На всякий случай. Вдруг нарушит свое слово и отпустит.

– Доверься мне.

Несмотря на смысл фразы, произносится она приказным тоном.

Мужчина разворачивает меня, одной рукой берет под грудь, а второй усиленно гребет. Скорее всего, мы движемся к берегу. Но в своем положении я ничего не вижу, кроме звездного неба с дурацким Цефеем, из-за которого все и началось.

Отдаюсь на волю совершенно постороннего мужчины и чувствую необъяснимое умиротворение. Иногда приятно кому-нибудь доверять.

Едва мои ноги касаются дна, как я теряю равновесие. Ушибленная лодыжка отдает ноющей болью. Только сейчас вспоминаю, что подвернула ее на камнях.

Выйдя на берег, обессиленно падаю спиной на песок. Пытаюсь восстановить дыхание и прийти в себя.

Цербер садится рядом, нависает надо мной, всматривается в лицо. Растерянно хлопаю ресницами, когда он протягивает руку и убирает мокрые локоны, прилипшие к моим щекам. Прикосновение горячих пальцев к замерзшей коже вынуждает меня вздрогнуть.

– Ты как? – дезориентирует меня своей заботой.

Или дело в том, что он чувствует себя виноватым?

– Ты зачем меня в море столкнул? Я чуть не утонула!

Резко сажусь, едва не столкнувшись лбами с женщиной, но он вовремя отклоняется.

– Я не мог тебя удержать, – бросает с укором. – Ты бы все равно соскользнула вниз, – кивает на скалу.

Потом встает, невозмутимо снимает с себя куртку, стягивает футболку. Выжимает воду. Наблюдаю, как играют мышцы на сильных руках. Выбиваясь из-под контроля, взгляд сам скользит по мощному торсу.

Похоже, Цербер спортом занимается. Еще один плюсик летит в копилочку.

Из минусов – несносный характер. Надеюсь, это по наследству не передается.

О чем я только думаю! Наверное, дело в том, что в экстренной ситуации обостряются основные инстинкты.

– Ты бы разбилась о камни, – доносится будто издалека. – Тот факт, что ты не умеешь плавать, я не предусмотрел. Впрочем, я и так бы нырнул за тобой.

Сглатываю внезапно образовавшийся ком в горле и усилием воли заставляю себя перевести взгляд с крепкого пресса, который опять скрывается под футболкой, на лицо собеседника.

Смущаюсь. Потому что цербер тоже смотрит на меня. Все это время.

– Допустим, – бубню я и поднимаюсь на ноги, незаметно скрипнув зубами от вспышки боли в лодыжке.

– Пожалуйста, – хмыкает он.

Ситуация кажется знакомой. Но я никак не могу провести параллель с прошлым. Да и не до этого сейчас.

Шок отступает, адреналин вымывается из крови – и я вдруг осознаю, насколько замерзла.

Обнимаю себя руками, начинаю дрожать всем телом. Неосознанно делаю шаг, хотя понятия не имею, куда мне идти в таком виде. Таксисты точно в салон не пустят.

Интересно, а чемодан из камеры хранения мне выдадут? Или даже порог переступить не позволят?

Опускаю руку туда, где должна быть моя сумочка и... Ничего не нахожу! Ее просто нет. Видимо, лямка соскользнула, когда я падала и погружалась в воду.

– Ну нет! – хнычу я, не в состоянии сдержать эмоции.

– Что еще? – устало произносит цербер, будто я одни проблемы приношу.

Правда, так и есть...

– Сумка моя... Там! – взмахиваю рукой в сторону моря. – Документы, деньги и ключ от камеры хранения. Мне даже чемодан не отдадут.

Мне показалось или он закатил глаза только что?

– Номер ячейки? – уточняет спокойно.

– Тринадцать, – называю без задней мысли.

– Почему я не удивлен.

Не вникаю в его фразу. Потираю плечи руками, но никак не могу согреться. Ожидаемо, если учесть, что мы оба вымокли до нитки. Однако цербер даже и вида не подает, что ему некомфортно.

– Ладно, идем, – окинув меня изучающим взглядом, постановляет он.

Берет меня за руку и тянет за собой. Слишком резко. Наступаю на поврежденную ногу и громко ойкаю, мысленно жалея себя.

Цербер оглядывается, вопросительно изгибает бровь.

– Ногу подвернула на скале, – признаюсь тихо и морщусь от противной боли.

Мужчина обреченно выдыхает, качает головой – и вдруг приближается ко мне вплотную. Рывком поднимает меня и дальше несет на руках.

Вспоминаю угрозу, брошенную им в море, и не брыкаюсь. Кажется, я влипла. И одна точно не справлюсь.

Дом, милый дом. Малая родина почему-то мне не рада...

Глава 5

По пути к лексусу я окончательно замерзаю. Импульсивно прижимаюсь к церберу, пытаюсь забрать и впитать его тепло. Слышу, как учащается стук его сердца и сбивается дыхание. Неужели я такая тяжелая? Судя по тому, как резко цербер ставит меня на ноги, да.

Не хочу отстраняться, но обнимать постороннего мужчину как минимум неприлично. Заставляю себя отойти от него, правда, при этом хромаю.

– Если ходишь, значит, не сломала. Но врачу показаться надо, – нахмурившись, говорит цербер.

– Уг-гу, – заикаюсь от холода.

Мрачнеет сильнее. И я его понимаю. Кто будет рад тому, что на его голову свалилось такое невезучее несчастье, как я?

Опускаю голову и шмыгаю носом. Цербер открывает пассажирскую дверь автомобиля – и достает из салона плед. Протягивает мне. Всматриваюсь в нелепый принт – котики на фиолетовом фоне. Растерянно поднимаю глаза на мужчину.

– Разденься, – приказывает неожиданно, заставляя меня закашлять.

– Что? – сиплю лепечу.

– Ты вымокла насквозь. Заболеешь. Сними одежду и укутайся в плед, – «инструктирует» меня и добавляет чуть слышно. – Потом разберемся, что с тобой делать дальше.

– Отвернись, – надуваю губы.

Мужчина хмыкает, но все же слушается.

Раздеваюсь до белья, сложив мокрые вещи на капот, и заворачиваюсь в плед. Топчусь босыми ногами на месте, чтобы хоть немного разогнать кровь.

– Все, – фыркаю церберу.

Он оглядывается, удовлетворенно кивает. Забирает мою одежду и бросает на заднее сиденье.

– Ты серьезно? – спрашивает недоверчиво.

Не понимая, что он имеет ввиду, я плотнее кутаюсь в плед. Моя бы воля, я спряталась бы в него с головой. От холода, стыда и... потемневшего взгляда цербера.

– Что? – цежу сквозь стучащие зубы.

Шумно втягиваю носом воздух и вздрагиваю от очередного порыва ветра, что проникает сквозь тонкую шерстяную ткань, вонзается льдинками в кожу, миллиардом острых игл проносится по ее поверхности.

Не в силах терпеть, передергиваю плечами. В море, в объятиях цербера и то теплее казалось.

Встряхиваю мокрыми прядями волос, пытаюсь прогнать неуместные образы. Однако голова начинает гудеть, а уши закладывает.

– В машину садись! – проследив за мной, хмурится цербер.

А сам занимает водительское кресло. Рваным движением поворачивает ключ зажигания – и включает обогрев.

– Ты серьезно плавать не умеешь? – смотрит на меня с прищуром. – Ты же утверждала, что с детства здесь бываешь, – кивает на скалу.

Высвобождаю руку из пледа, тянусь ко рту и нервно сминаю пальцами губу. Не знаю, как признаться, что я панически боюсь глубины. Это дико для человека, который почти всю свою сознательную жизнь провел у моря. Но факт. Наблюдать со стороны или окунуться у самого берега, чувствуя дно под ногами, – это мой максимум. Люблю море и боюсь одновременно.

– Не научилась, – бурчу тихо, не желая раскрывать душу.

– Странно, – искренне недоумевает.

– Ничего подобного! Даже рыбы – и то не все умеют плавать.

Не выдержав, цербер поворачивает ко мне голову и вопросительно изгибает бровь. Могу поспорить, что вижу в его зеленых глазах интерес и насмешку. Не знаю, что преобладает.

– Да! Например, нетопырь Дарвина, – вздергиваю подбородок.

Лиля, что ты несешь! Остановись. Но пережитый шок превращается в слова, которые льются нескончаемым потоком.

– При помощи грудных плавников ходит по дну океана. Страшненькая такая рыбка, – заканчиваю чуть слышно.

Цербер хрипло выдыхает и стискивает челюсти, пытаясь сдержать смех. На щеках, покрытых щетиной, слегка проступают ямочки. Невольно задерживаю взгляд на внезапно изменившемся лице. Все-таки цербер может быть милым. Когда захочет. Вот только ему привычнее рычать и гавкать.

– Хорошо, рыбка, которая не умеет плавать, – с трудом сохраняет невозмутимый вид, но я слышу теплые нотки в его дрогнувшем голосе. – Куда же тебя отвезти? – спрашивает, скорее, самого себя.

– Мой дом...

Резко умолкаю. Не хочу, чтобы цербер узнал, где я живу. Слишком лично. Нам не следует сближаться.

Да и мачеха вряд ли будет в восторге, если я приеду полуобнаженная, закутанная в один лишь плед. Представляю, что она отцу «накапает» после этого.

– ...далеко, – заканчиваю тихо.

– Место, где я остановился, тоже не близко, – размышляет цербер. – И тебе там будет... неудобно, – бросает на меня быстрый взгляд.

Уверена, что как раз ему неудобно везти меня к себе домой. Может, там его ждет жена. Меня не должно это касаться, но взгляд сам скользит по мощной правой руке, сильным пальцам, сжимающим руль. Не находит кольца. Хотя не все мужчины его носят, особенно на отдыхе.

– Ладно, – цербер трогается с места.

– Так куда мы едем? – вскидываю голову беспокойно.

– Я по дороге видел небольшой отель, – выкручивает руль на повороте, а я замечаю, как с коротких рукавов футболки капает вода. – Захудалый, конечно. Как все здесь у вас, – бурчит под нос.

– Туристам нравится, – фыркаю в защиту своего родного края, хотя понимаю, что он прав.

– У туристов нет выбора, – парирует цербер, не отвлекаясь от дороги. – Они едут к морю, но вынуждены терпеть предоставленные условия. В гостиничной сфере многое необходимо улучшить, – задумчиво тянет.

– Возможно, – отворачиваюсь к окну.

– Если у тебя есть на примете отель лучше, скажи. Я не местный. Мог пропустить.

– В это время начинают стягиваться отдыхающие, так что все может быть занято. Едем в ближайший, – соглашаюсь и вздыхаю шумно.

Минут через пятнадцать мы стоим на пороге невзрачного двухместного номера – единственного свободного. Потому что он самый дорогой. По деньгам, но не условиям. За такую сумму не знаю как за границей, но в столице можно жилье приличнее снять. Что поделать, курорт. И даже не в разгар сезона.

Переглядываемся. Цербер хоть и молчит, но на его лице можно прочесть все, что он думает об этом месте. Наверняка в его мыслях крутятся те самые немецкие ругательства, которых я наслушалась в море.

– Что ж, я в душ, – скрываюсь за ближайшей дверью.

Помещение небольшое, но вполне ухоженное и чистое. Правда, душевая кабинка тесная. Стараюсь быстро покончить с водными процедурами и уступить место церберу, который хоть и держится стойко, но продрог сильнее меня. Я хотя бы в плед укуталась, а он так и остался в мокрой одежде.

Беру из шкафчика единственный халат, хмурюсь, но все же прячусь в него и бесшумно выхожу из ванной. Цербер стоит у окна, спиной ко мне. Еле заметно вздрагивает, когда я окликаю его.

- Халат только один, – сообщаю виновато.
- Бери себе, – приказывает, не оглядываясь.
- Взяла, – фыркаю я.

Забираюсь с ногами на двуспальную постель, потираю подвернутую лодыжку. Цербер оборачивается, обводит меня тягучим взглядом, а потом тяжелым шагом направляется в ванную.

Через пару минут оттуда доносятся грохот, звон и пару крепких словечек на немецком. Прыскаю от смеха. Неудивительно. В маленьком помещении мужчина словно медведь в кукольном домике.

Возвращается из душа в одном лишь полотенце... Лучше бы я ему халат уступила...

Задерживаю дыхание, чтобы не выдать себя лихорадочным стоном, и отвожу взгляд, который опять может скользнуть не туда, куда нужно.

- Я нашел аптечку, – ровным тоном сообщает мужчина.
- Это она летала по всей ванной комнате? – ухмыляюсь ехидно.
- Не только, – в голосе слышится улыбка.

Нервно хихикаю, чувствую на себе потеплевший взгляд цербера и замечаю, как слегка приподнимаются уголки его губ.

Мужчина садится рядом, сменяя постельное белье, жестом указывает мне протянуть ушибленную ногу, обхватывает рукой мою многострадальную лодыжку.

– Я сделаю тугую повязку, но утром сразу к врачу! – чеканит строго. – С твоим чемоданом тоже утром будем разбираться, когда администрация выйдет на работу. Договоримся, думаю.

Мне нравится, как он говорит во множественном числе. Словно мы не чужие люди и вместе будем решать мои проблемы. С одной из них он помогает прямо сейчас, крепко держа мою ногу и обматывая эластичным бинтом. Иллюзия заботы, но такая приятная.

– Врач? – спрашиваю, чтобы хоть как-то отвлечься от горячих ладоней, что касаются моей лодыжки.

- Почему? – цербер смотрит на меня исподлобья. – Всего лишь основы первой помощи.
- Я их не знаю, – признаюсь честно.
- Зря, в жизни пригодится. Особенно, когда есть дети, – неосознанно бьет по больному. – У тебя есть дети? – припечатывает пытливым взглядом.

Добивает. Контрольным выстрелом в сердце.

- Нет, – опускаю глаза. – А у тебя?
- Дочь.

Одно слово – и тишина. Подробностей я не заслуживаю. Мы недостаточно близки, чтобы обнажать души друг перед другом. Его жизнь меня не касается, но я зачем-то продолжаю стучать в наглухо закрытую дверь.

– С тобой приехала? – вырывается у меня. – Наверное, волнуется, что тебя нет рядом сейчас?

Чувствую себя виноватой. Из-за того, что я упала в море, а цербер вынужден был меня спасать, где-то теперь одиноко грустит малышка. Сначала я у нее плед с котиками украла, а теперь и папу.

- Она под присмотром, – отрезает коротко.

Испытывающе вглядываюсь в его по-мужски красивое, грубоватое лицо, но он делает вид, что всецело занят «первой помощью».

И все-таки... у него есть жена. Ведь это логично! Именно она сейчас присматривает за дочерью. Где-то там, в реальном мире. За пределами стен этого номера.

Выдыхаю со слабым стоном.

Теперь мне вдвойне неловко... Должно быть... Но...

Мужская ладонь движется от повязки выше, ложится на щиколотку. Останавливается, сжимая. Каре-зеленый взгляд вонзается в меня, пробивая насквозь.

Я давно не девочка и прекрасно понимаю, что означает внезапно изменившееся поведение цербера. Не раз я испытывала на себе этот звериный интерес. За одним исключением. Впервые за последнее время я остро хочу подчиниться.

Именно ему. Незнакомцу с обжигающим взглядом.

Вместо того чтобы возмутиться, я подаюсь ближе к церберу. Облегчаю его задачу, избавляю нас обоих от никому не нужных «брачных игр».

Одним страстным поцелуем даю ему зеленый свет.

Два взрослых человека. Миллиарды искр в воздухе, готовых соединиться и взорвать все вокруг.

Единственная ночь вместе.

Нет, я ни на что не рассчитываю. Я лишь одолжу чужого папу. На время. Потому что мне очень нужно.

Цербер нетерпелив и груб. Мы чужие, но он ведет себя так, будто берет свое.

У меня есть последний шанс оттолкнуть его. Показать, что я «не такая», но...

Сегодня я такая!

Поэтому отвечаю нежностью, словно в противовес мужской страсти. Однако приручить цербера не удастся. Наоборот, он становится более диким и необузданным.

– Сладкая, – говорит по-немецки, уверенный, что я не понимаю. – С умаводишь, – горячо выдыхает в ушко.

Не знаю, зачем ему скрывать свою мягкость. Но, кажется, я смирилась, что мне не разгадать этого мужчину.

Его голос хриплый, срывающийся. Он мог бы быть ласковым, но рядом со мной настоящий цербер. Поэтому даже в такой момент вновь слышу приказные нотки.

– Иди ко мне, – уже по-русски.

Цербер замирает внезапно, хмурится. И я осознаю, чем он обеспокоен.

– Все в порядке, я пью таблетки, – выпаливаю я. – Безопасно, – лгу до последнего.

Ведь я очень надеюсь, что «опасно». Настолько «опасно», что мне хватит одной ночи, хоть врачи утверждают обратное.

Мужчина медлит, будто мысли мои подслушал. Сомневается. Чувствую, что даже остановиться готов, хотя в его состоянии это практически невозможно. Но он из тех людей, у которых мозг сильнее сердца.

Отключай здравый смысл и строгий расчет, цербер! Сегодня они нам не пригодятся.

Обхватываю ладонями щетинистые щеки, провожу коготками по бородке. Всматриваюсь в напряженное лицо, ловлю губами судорожное дыхание.

Вздрагиваю от безумной мысли. Абсолютно неуместной.

Я бы хотела, чтобы наш сын был похож на него. Вырос таким же грубо красивым, мощным, сильным, готовым прийти на помощь. Глупо, но я почему-то уверена, что должен быть мальчик.

Одержимая! Приди в себя!

Но вместо этого целую цербера, впитывая его глухой рык.

Этого мужчину хочется слушаться. Принадлежать ему. Рассыпаться на атомы и собираться вновь рядом с ним. Снова и снова. Но...

Завтра мы расстанемся. А через какое-то время немецкий турист и вовсе покинет страну, оставив здесь свое маленькое приключение.

Все понимаю. Я сама этого и добивалась. Но не могу избавиться от горечи, что разливается внутри.

"Уходи уже, цербер. Ты получил свое", – приказываю мысленно, выбираясь из его лап.

Вопреки моим страхам, он осторожно укладывает меня на постель. Обнимает бережно. Проводит ладонью по плечам, спине. Накрывает меня простыней. По-домашнему, словно мы – пара. Утыкается носом в макушку, втягивая мой запах.

И я засыпаю на его груди, под учащенный стук сердца. Сквозь дрему чувствую, как цербер гладит меня по голове, перебирает пальцами влажные, спутанные после душа локоны. И нашептывает что-то. На немецком.

Улыбаюсь. Если мне все это снится, то я не хочу просыпаться...

Глава 6

На следующее утро

Лилия

Спросонья натягиваю на себя простыню, поджимаю колени к животу. Холодно. Кажется, мы не закрыли окно ночью. Как-то не до этого было. И сейчас сил нет встать.

Тело ломит, сводит приятной истомой. Улыбка сама растягивается на лице от одних лишь воспоминаний о ночи, которая измотала меня, лишила энергии. И стала лучшей в моей жизни. Наверное, адреналин после «купания» в ледяном море сделал свое дело, обострив чувства. И заодно подкосил мое здоровье.

В ушах неприятно шумит, голова ватная, горло першит. Вдобавок несколько раз звонко чихаю. Точно заболела.

Сворачиваюсь клубочком и опять погружаюсь в сон. Будто сквозь толщу воды, доносится хлопок оконной рамы.

Слышу тяжелые шаги, а следом – ощущаю, как меня накрывают теплым пледом. Равняют уголки аккурратно...

Цербер?

Зажмуриваюсь, боясь спугнуть момент. Пусть думает, что сплю. Я и правда на грани.

Особенно, когда тело окутывает долгожданное тепло, а на плечо ложится уже знакомая горячая ладонь. Проводит до локтя, слегка сжимает. Матрас за моей спиной ощутимо продавливается.

Цербер рядом. Чувствую его.

Просто сидит и смотрит. А я не решаюсь повернуться.

Скрип кровати. И он еще ближе.

– Какая же ты... – жаркий шепот касается затылка. – Жаль, – рука исчезает с моего плеча.

Испаряется и сам цербер. Словно мне все почудилось.

И невесомый поцелуй в висок. И тихое: «Прощай». И грохот закрывающейся двери.

Слишком романтично, чтобы быть правдой. Скорее всего, я в бреде от усталости и простуды.

Выдыхаю с обреченным хрипом. И обессиленно проваливаюсь в беспокойный сон.

Пробуждаюсь от настырного солнечного зайчика, который скачет по моему лицу. Потягиваюсь томно, протираю глаза, которые никак не хотят открываться. Бросаю замутненный взгляд на настенные часы – и резко подскакиваю в постели.

Полдень! А я все еще не дома. Папа, наверное, волнуется. И позвонить не может, ведь мой телефон «утонул».

Осматриваю номер. При свете дня он выглядит более убогим, чем казался ночью. Цепляюсь взглядом за чемодан в углу.

Растерянно хлопаю ресницами.

Мой чемодан! Все-таки цербер сделал невозможное – «вызволил» его из камеры хранения. Привез в номер.

Ничего не перепутал. Не забыл. Побеспокоился обо мне.

Почему так тепло в груди от одной мысли об этом? Глупо улыбаюсь. Чувствую себя маленькой девочкой, о которой заботятся.

Открываю рот, чтобы позвать мужчину, поблагодарить, но застываю.

Я даже имени его не знаю!

Неужели я действительно это сделала? Переспала с первым встречным? Правда, не с первым. Тот мне не понравился...

Подумать только, даже в такой патовой ситуации перебираю! Наверное, поэтому и одинока до сих пор.

Эйфория сменяется давящим грузом в груди. Откидываю одеяло, которое мне все-таки не приснилось, укутываюсь в простыню. И брежу по номеру.

В ванной тихо. В жалком подобии кухни – никого.

Все-таки он уехал. Оставил меня. Навсегда.

Ты ведь так и планировала, Лиля! Провести ночь – и расстаться. Почему тогда носом шмыгаешь сейчас? На кого обижаешься? На себя злишься!

Да потому что к хорошему привыкаешь быстро! И сложно потом возвращаться в реальность.

А мне с цербером было по-настоящему хорошо...

Всклипнув, разворачиваюсь и возвращаюсь в спальню. На пороге замираю, превращаясь в глыбу льда. Мороз пронзает тело и душу.

На тумбочке, под основанием лампы, вижу небольшую стопку денег.

Плата за ночь?..

Делаю глубокий вдох. Судорожно сглатываю ком обиды, подкативший к горлу. И вздерживаю подбородок, будто меня кто-то видеть может сейчас.

И во сколько же оценил мои услуги цербер? Нет, даже знать не хочу.

Шустро одеваюсь, хватаю чемодан и собираюсь покинуть номер, но оборачиваюсь. Если я оставлю деньги здесь, то их заберет кто-нибудь из персонала. Однако будет выглядеть так, будто это я.

Мало ли, вдруг цербер до конца своего отдыха еще кого-нибудь сюда притащит. И узнает.

Встряхиваю головой, делаю шаг к тумбочке и двумя пальцами беру деньги, как что-то грязное и противное. Так и несу вниз.

Нахожу администратора – женщину лет сорока, неторопливо попивающую чай.

– Я из номера... – достаю из заднего кармана джинсов ключ, который цербер оставил в коридоре, и пытаюсь вспомнить цифру.

– Из люкса? – гордо уточняет.

– Ну да, – усмехаюсь я, вспоминая комнату. – Со мной был мужчина, – произношу холодным тоном, когда внутри горю от стыда. – Он не оставлял контакты на случай, если забудет что-нибудь?

Женщина смотрит на меня сочувственно, будто это он меня забыл в проклятом номере! Благодарно не задает неудобных вопросов.

– Хм. Извините, я персональные данные не имею права предоставлять. Но... – подается вперед, облокотившись на стойку регистрации. – Фамилию могу вам сказать, если пообещаете не выдавать меня, – шепчет заговорщически.

Складывается впечатление, что администратор вошла в мое положение и помочь хочет. Несчастной девушке, брошенной после проведенной ночи.

– Нет-нет! Не надо мне ни имени его, ни адреса, – осекаю ее. – Сможете передать ему кое-что? Отправить туда, где он остановился?

Подумав, женщина кивает.

Беру со стола чистый лист бумаги, сворачиваю его в некое подобие конверта. Вкладываю деньги. Всю сумму. Вплоть до рубля. Ничего мне от него не нужно!

Передаю администратору, и она задумчиво крутит в руках конверт. Потом помечает что-то на обороте. Наверное, адрес. Но не могу прочесть: на таком расстоянии буквы плывут. Кажется, я посадила зрение, постоянно работая за компьютером.

– И еще, – спохватываюсь, вспомнив, что у цербера есть дочь и, возможно, жена. – Попросите передать ему лично в руки. И никому другому. Это важно!

Кивнув, делает еще одну пометку.

Что ж, моя уязвленная гордость практически восстановлена. Остается только отца успокоить.

– Можно позвонить от вас? – указываю жестом на стационарный телефон.

Дождавшись согласия, по памяти набираю папин номер.

– Лиленок, ты где? Что случилось? – звучит взволнованно.

– Со мной все в порядке, пап, – стараюсь отвечать бодро. – Поезд задержался, – лгу родному человеку и ненавижу себя за это.

– Куда за тобой приехать? – спрашивает с тревогой и заботой, а потом добавляет. – Артур уже вернулся. Обедать скоро будем. А тебя все нет...

Сжимаю губы, чтобы не позволить себе ляпнуть лишнее, и обреченно закатываю глаза. Мне же еще с этим снобом сегодня знакомиться! Пусть он и папин друг, но мне заочно не нравится. Благо, мне не за ним присматривать придется, а за малышкой. Надеюсь, сам Артур в это время будет бизнесом заниматься и ночевать где-нибудь вне дома. Судя по вчерашнему рассказу папы, последнее у него получается лучше всего.

– Оставайся с другом, – с трудом выжимаю из себя. – Неудобно его бросать. А я сама доберусь.

Закусываю губу.

Как? Мои деньги утонули в пучине морской. А «заработанные» этой ночью я «работодателю» вернула.

– Папуль, а такси сможешь мне оплатить онлайн? – решаюсь попросить.

– Конечно, Лиленок, диктуй, куда машину отправить, – реагирует мгновенно.

Поразмыслив, называю адрес кафе через дорогу. Не хочу, чтобы отец знал, что я ночевала в отеле. Ловлю на себе любопытный взгляд администратора. И делаю вид, что не заметила.

Глава 7

Дорога убаюкивает. Монотонный бубнеж таксиста создает фон. Откидываюсь на спинку кресла и устремляю пустой взор в боковое окно.

Когда я на грани сна и реальности, все вокруг кажется фантастическим. Золотой пляж с лежаками и зонтиками, лазурное море с мелкими барашками на гребнях волн, насыщенно-голубое небо с рваными облаками.

Пирс, упирающийся в горизонт. Маленькая девочка, стоящая у самого края.

Красиво. Словно кадр из фильма.

Стоп! Что?

– Остановите здесь! – подсказываю на месте.

– Нельзя здесь, девушка, не положено, – сопротивляется таксист.

– Аварийку включите и остановите! – шиплю я. – Сейчас же!

Слушается. Тормозит так резко, что я дергаюсь вперед, а потом бьюсь затылком об подголовник. Не дожидаясь помощи ошеломленного водителя, сама беру из багажника свой чемодан. Тащу его за собой, ломая несчастные колесики.

Ступив на пирс, замедляюсь. Руки от нервов трясутся, поэтому оставляю багаж: все равно здесь, наверху, больше никого нет. Заставляю себя немного успокоиться, чтобы своим состоянием не испугать малышку.

Иду, прикрывая рукой глаза от солнца. Прищуриваюсь, чтобы рассмотреть девочку, и...

– Бусинка? – шепчу удивленно.

Узнаю, скорее, не ее, ведь спиной стоит, а зайца, которого она подмышкой держит. Не расстается с игрушкой. И, похоже, теряется тоже с ней вместе.

Несмотря на шум волн и гул ветра, девочка слышит меня. Оборачивается так резко, что у меня замирает сердце. Я ведь даже спасти ее не смогу в случае чего. Вместе на дно пойдем.

И цербера нет рядом... Как не вовремя я о нем вспомнила!

– Что ты здесь делаешь, бусинка? – аккуратно подхожу ближе.

Беру ее за хрупкое плечико, притягиваю к себе, дальше от опасной границы. Выдыхаю с облегчением и присаживаюсь на корточки.

– Ой, я вас помню! – по-детски радостно восклицает малышка. – Это ведь вы были тогда? – проговаривает медленно, со знакомым мне акцентом.

Значит, я не обозналась. И в компании Врагова видела именно эту девочку.

– Снова заблудилась? – подмигиваю с улыбкой.

– Не-е, – тянет капризно. – Я сбежала. Там тети надоедливые, – кивает куда-то за мою спину.

– Так, подожди, а папа опять где? – хмурюсь я.

– Уезжал куда-то. Я хотела подождать здесь, пока он вернется. Но уронила... – вспоминает нужное слово на русском, – браслет! В море. Жалко, – всхлипывает. – Мне его папа купил, а я... – плачет, и я не могу спокойно смотреть на ее слезы.

Импульсивно тянусь к своему запястью, снимаю тонкую цепочку с подвесками. Этот невзрачный золотой браслетик мне еще мама дарила. Очень давно, когда я подростком была. Я носила его как память, хоть он смотрелся на взрослой женщине глупо. Пришло время расстаться.

– Не расстраивайся. Твой браслет теперь носит золотая рыбка, – говорю бусинке. – А взамен она передала тебе вот этот.

Регулирую застежку, чтобы цепочка обхватила крохотное запястье. Провожу пальчиками по подвескам: несколько ракушек и... рыбка. Задерживаюсь взглядом на ней, иначе воспринимаю... в свете минувшей ночи.

– Красивый, но... Вы расстроились, – подмечает бусинка. – Не хотите отдавать? Так я сейчас верну! – тянется к застёжке, но я перехватываю маленькую ручонку.

– Нет, ты что! – порывисто чмокаю ее в щеку. – Оставь себе, это подарок.

– От золотой рыбки? – касается подвески.

– Ага, – смеюсь искренне. – Меня зовут Лиля. И можешь обращаться ко мне на «ты».

Поднимаюсь, протягиваю малышке руку, в которую она тут же вкладывает свою ладонь. Веду бусинку прочь от края пирса. С каждым шагом становлюсь спокойнее.

– А я Софи, – неожиданно выдает она.

Хватаю ртом слишком большую порцию воздуха и закашливаюсь. Час от часу не легче! Если это и есть «моя подопечная» Софи, то... Неужели грубиян, чью спину я «имела честь» лицезреть в офисе Врагова и даже лица не запомнила, теперь будет жить с нами под одной крышей?

– Софи? – уточняю я, а она кивает. – Где вы с отцом остановились, Софи?

Вместо ответа малышка недовольно всматривается в сторону жилого сектора. Проследив за ее взглядом, мрачнею и сжимаю губы. Потому что навстречу нам мчится Лариса.

– Ах, вот ты где, мелкая...

Слышу до боли мерзкий голос. Увидев меня, мачеха осекается, не закончив фразу. Внимательно изучает нас обеих, задерживается на наших сплетенных руках и мрачнеет. Импульсивно задвигаю Софи за свою спину.

– Я буквально на минутку отвлеклась! – бежит вслед за матерью Алина. – В мессенджере сообщения проверить. Смотрю, а ее нет, – запыхавшись, останавливается.

– Твое счастье, что я Артура заболтала. И убедила, что его... – сдерживается, чтобы не обозвать, – дочь в безопасности. Так, отведи ее домой и лично передай Артуру, – инструктирует Алину. – Мол, смотрела, заботилась. Иди!

Не отпускаю Софи до последнего. Не хочу отдавать ее этим гарпиям. Но малышка сама высвобождает ладошку.

– Папа приехал? – радостно подпрыгивает на месте бусинка. – Я побежала тогда! – срысывается с места. – Пока, золотая рыбка Лиля, – машет мне на прощание.

Ох, бусинка, скоро опять встретимся. И с твоим сухарем отцом тоже.

– Беги следом, чего стоишь? – приказывает мачеха Алине, но та мешкает. – Боже ж мой, всему учить надо, – подталкивает дочь. – Хоть в первую брачную ночь без инструкций обойдешься?

Тем временем провожаю взглядом бусинку. Подсознательно контролирую, чтобы она добралась до дома моего отца без приключений. И только когда Софи скрывается за воротами, перевожу внимание на шагающую впереди меня мачеху.

– Что тут у вас происходит? – не выдерживаю я.

– Не лезь в чужие дела, – взмахивает безжизненными, пережженными осветлителями волосами. – И кстати, зря приехала. Твоя помощь больше не нужна, – оглядывается на миг, усмехается. – С Софи Алиночка сидеть будет. Так что пообедаешь – и возвращайся в столицу.

– Я к отцу приехала, не к вам, – отвечаю ровным тоном, потому что привыкла к ее выпадам. – И с ним буду решать, сколько мне здесь оставаться и чем заниматься.

– Главное, под ногами ее путайся, – вздыхает шумно. – И к Артуру не приближайся.

– Больно надо! – прыскаю, вспоминая нашу с ним первую «встречу». – А вы что, план по его завоеванию тут реализуете? – догадываюсь, наконец.

– Тш-ш! – испуганно озирается мачеха.

Значит, я попала в цель. Впрочем, это предсказуемо. Лариса всегда учила дочь, что для женщины главное – выгодно замуж выйти. По себе судила, наверное. Правда, сама прогадала, ведь мой изначально состоятельный папа вскоре обанкротился.

– И Алина... Кошмар! Ваш Мейер ей наверняка в отцы годится, – недовольно пыхчу я, не отпуская измученного чемодана.

– Пф, глупости, – Лариса взмахивает тонкими, усыпанными кольцами пальцами. – В сорок лет у мужчин самый расцвет.

– Я думала, он старше. Примерно, как папа, – задумчиво сминаю губу. – И все равно разница в возрасте большая. Алина – девочка совсем.

– Главное не возраст, а... – обрывает свои поучения и с прищуром косится на меня. – Хотя тебе не понять. Поэтому и без мужа до сих пор.

– Куда уж мне, – тяну ехидно. – С вашим опытом мне не тягаться.

Мачеха выстреливает в меня злым взглядом и стискивает губы, чтобы не сказать лишнего, ведь в любой момент из дома может выйти отец и услышать. Она ускоряет шаг и через пару секунд ныряет во двор.

Нехотя плетусь следом. Намеренно отстаю. Пусть мчатся к своему «завидному жениху», мне все равно. Я зато с папой спокойно пообщаюсь, пока они ритуальные танцы вокруг его друга будут проводить. Идеальный расклад! Вот только бусинку доверять Алине не хотелось бы. Присматривать все же за малышкой буду...

Переступив, наконец, порог родного дома, заметно успокаиваюсь, словно возвращаюсь под защиту. Человека, который меня любит. Даже в конфликтах с мачехой папа всегда принимает мою сторону, но я не злоупотребляю его отношением. Все-таки он имеет право на личную жизнь, пусть даже такую... стервозную. Любовь зла.

– Привет, папуль, – улыбаюсь во все тридцать два и ныряю в родные объятия. – Я соскучилась сильно.

Прижимаюсь щекой к его груди, пока он гладит меня по волосам. Совсем как в детстве. Уютно, безопасно, умиротворенно. Все проблемы и обиды отходят на второй план.

Ровно до того момента, пока отец не решает представить мне своего друга.

– Лиленок, познакомься, – отстраняется и отходит, открывая мне обзор на гостиную. – Артур Мейер.

Улыбка, которая предназначалась отцу, мгновенно спадает с лица. В легких заканчивается кислород. Приоткрываю рот, чтобы сделать судорожный вдох. Но меня всю будто парализует.

Я ведь сплю, да?

Упираюсь взглядом в мужские туфли из мягкой кожи. Это так по-европейски – ходить по дому в обуви. Но отец позволяет, а мачеха... Да она лично будет грязь подтирать за «денежным мешком».

Поднимаю глаза медленно. Брюки из дорогой ткани, выглаженная рубашка. Предсказуемо для скучного и сурового Артура Мейера.

Но стоит мне скользнуть взглядом по лицу папиного друга и окунуться в вязкую трясину его каре-зеленых глаз, как сердце обрывается и стремительно ухает вниз.

Цербер.

Глава 8

Все детали сходятся воедино. Один и тот же человек «преследовал» меня на протяжении последних дней, когда мне было особенно плохо. То и дело оказывался на моем пути.

В офисе Врагова я почти не успела рассмотреть его. Обратила внимание лишь на строгий костюм и хамское поведение. И выбросила из головы, потому что могла думать тогда лишь о приговоре врачей. Не удивительно, что потом я не узнала делового партнера моего шефа в невзрачном образе простого туриста.

Возможно, если бы я не была одержима идеей беременности, я могла догадаться, что это он. Хотя бы по хриловатому голосу и акценту. Но... Наше экстремальное знакомство окончательно усыпило здравый смысл.

– Моя Лиля, – с теплом и какой-то гордостью в голосе представляет меня папа. – умница, красавица, полиглот. Мастер на все языки, – по-доброму хохочет и приобнимает меня за плечи.

В любой другой ситуации мне было бы приятно, и я бы посмеялась вместе с ним, но сейчас... Закашливаюсь и опускаю глаза. Неловко. И каждое слово в сложившейся ситуации воспринимается превратно.

Чувствую на себе пристальный взгляд Мейера. Под кожу забирается. Словно изучает. Разобрать на винтики меня хочет. Вот только я не механизм. И «работаю»... непредсказуемо, даже для самой себя.

– Приятно познакомиться, Лилия, – произносит Артур бесстрастно, а в голове эхом отзывается «сладкая», «рыбка». Только голосом другим, ласковым и срывающимся.

Тяжело сглатываю, впиваюсь ногтями в свои ладони, чтобы хоть как-то себя в чувства привести. Но даже боль не помогает. Тело здесь, а мысли и чувства остались в той ночи.

Познакомились. Так и есть. Только сегодня имена друг друга узнали. А вчера был просто случайный секс. Как нам общаться после всего произошедшего? В одном доме находиться?

Но, кажется, Мейера это ничуть не смущает.

Он... руку для приветствия протягивает. Серьезно? Как будто ничего не было минувшей ночью между нами! Впрочем, возможно, для него так и есть. Повеселился, оплатил, забыл.

А я не могу так. Знаю, что если коснусь его горячей, грубоватой ладони, то взорвусь. Я с трудом эмоции гашу. Глубже их заталкиваю, а они наружу рвутся.

Рука Артура так и висит в воздухе. Без ответа. Со стороны мое поведение выглядит странно.

– Взаимно, – выдавливаю из себя со скрипом.

Мечтаю сквозь землю провалиться, хотя и так уже низко пала в его глазах. Тем не менее, насилую себя и тоже поднимаю ладонь. Медленно, неуверенно...

– Садитесь обедать! – с искусственной улыбкой восклицает Лариса. – Все остынет! Артур, вы любите тафельшпиц?

На лице Мейера мелькает тень недовольства, но лишь я ее замечаю. Мачеха же продолжает тараторить. Называет какие-то сложные австрийские блюда. И как только выговаривает? Долго тренировалась, наверное. Перед зеркалом. На что только не пойдешь ради состоятельного «зятя».

– Есть еще ростбиф Жирарди, краутфлекерль, – вещает, словно википедия. – И...

Артур прерывает ее тихим покашливанием.

– Не стоило утруждать себя, – старается сохранять безэмоциональный тон, но в воздухе витает напряжение. – Мы едим обычную пищу.

– Лора, я же говорил, – папа берет мачеху за талию и чмокает в щеку. – Артур – нормальный мужик, а ты от страха пол-ресторана скупила, – хохочет расслабленно.

Лицо Ларисы дергается в кривоватой улыбке. Сам того не осознавая, отец только что разрушил ее образ идеальной хозяйки. Наверняка она хотела все эти кулинарные изыски за свои выдать.

– Да, милый, – оправившись от «позора», щебечет мачеха. – Присаживайтесь.

Перечить мужу Лариса не смеет. Для него она – образцовая жена. И, признаться, исполняет эту роль на «отлично». Поэтому они и вместе до сих пор.

Папа традиционно занимает свое место во главе стола. И подзывает меня к себе. Подхожу, чуть прихрамывая.

– Что с ногой? – мрачнеет отец, только сейчас заметив выглядывающую из-под джинсов повязку.

– Подвернула, – признаюсь сипло.

Только не смотри при этом на Мейера! Не вспоминай, как он накладывал повязку, проводил рукой по лодыжке и...

Черт! Не замечаю, как поднимаю голову на Артура. Ему по-прежнему плевать. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

Вздохнув, сажусь по левую руку от папы. Улыбаюсь ему и немного успокаиваюсь. Но вскоре мой пульс опять учащается. Ровно в тот момент, как напротив меня опускается Мейер.

Опять встречаемся взглядами, и от этого вокруг все искрит. Неужели никто не замечает? Впрочем, Лариса с подозрением косится на нас. Как и Алина, что пристраивается рядом с Артуром.

– О-о-о! Золотая рыбка Лиля, – доносится до моего слуха звонкий голосок бусинки.

Поворачиваюсь на звук, широко улыбаюсь малышке, отчего та становится еще радостнее. Боковым зрением замечаю, как Артур нервно расстегивает верхнюю пуговицу рубашки.

– Можно рядом сяду? – Софи подбегает ко мне и касается моей руки.

Мейер делает вдох.

– Софи, дорогая, иди ко мне. Не следует надоедать... кхм... Лилии, – на моем имени его голос чуть заметно вибрирует.

Защищает от меня свою дочь? Считает меня недостойной компанией? Конечно! Чему может научить ребенка грязная девочка на ночь.

А я... и не претендую. Пожалуй, прислушаюсь к совету мачехи – и уеду отсюда завтра же. Так будет лучше для всех.

Но... Обращаю внимание на Софи. Она смотрит на меня жалобно, с мольбой в глазках-бусинках. Каре-зеленых, как у ее отца. Вспоминаю слова малышки про «надоедливых тетей» и осознаю, что предам ее сейчас, если откажу.

И я сдаюсь... ребенку.

– Ты мне совсем не мешаешь, – улыбаюсь я и отодвигаю стул. – Садись, бусинка.

Взгляд-выстрел пронзает меня насквозь. Мейер в ярости, хоть и скрывает ее под маской равнодушия. Броня трескается, когда он берет в руку вилку и сжимает ее мощной рукой, при этом, кажется, чуть сгибает металл. С другой стороны стола недовольно кашляет мачеха. Уверена, мысленно она посылает мне проклятия. И даже Алина отвлекается ненадолго от своего смартфона и с прищуром смотрит на меня.

Кажется, я только что приговор себе подписала...

Глава 9

– Лилечка, – приторно-ласково обращается ко мне Лариса, а я невольно передергиваю плечами.

Поворачиваю голову в ее сторону и прищуриваюсь, чувствуя подвох. И он не заставляет себя долго ждать.

– Как дела на работе? Наверное, ненадолго тебя отпустить смогли? – поет она. – На сколько дней отпуск дали?

Мысленно усмехаюсь. Дней? А почему не часов? Тонкий намек на то, что мне пора.

– Я уволилась из компании Врагова, – произношу сухо и возвращаюсь к своей тарелке.

Правда, кусок в горло не лезет. Особенно, когда бросаю быстрый взгляд на мрачное лицо Мейера. В его настройках другие эмоции предусмотрены? Хотя я лукавлю. Знаю же, каким он может быть. Просто сейчас он чем-то недоволен.

– Что? Но как же... – заикается мачеха. – Такую работу потерять – это ведь глупо!

– Лариса! – резко осекает ее отец. – Вот и правильно, – улыбается мне. – Отдохнешь. И так после университета как устроилась на работу, так оттуда не вылезала, – усмехается. – Будет желание, нам с Артуром поможешь. Грамотные переводчики с опытом работы в турсфере на вес золота. С отличным знанием языков, в том числе и немецкого. Согласен, Артур?

Мейер закашливается. Чересчур сильно и надрывно.

Моя рука непроизвольно тянется к графину с водой, но Лариса перехватывает его и передает дочери. Сообразив, что от нее хочет мать, Алина подскакивает и наполняет стакан Артура. Тот одним небрежным жестом пресекает ее попытки услужить.

И мне становится стыдно. Не за себя, нет, я не сделала ничего предосудительного. За сводную сестру и ее навязчивость стыдно.

Алина растерянно присаживается, виновато взглянув на Ларису. Та замирает на мгновение с прилепленной к лицу улыбкой, а потом вдруг встает из-за стола и направляется к окну. Открывает обе створки нараспашку.

Порыв морского воздуха вздымает невесомые шторы и нагло влетает в гостиную. От холода вздрагиваю и чихаю. Видимо, сказываются последствия ночных «купаний».

Чихает и Артур. Наверняка тоже простудился, хоть и храбрился вчера. Одновременно смотрим друг на друга. С одинаковым... беспокойством, отражающимся в глазах.

Нет, мне показалось, скорее всего.

– Чего это вы? Решили заболеть на пару? – пыхтит папа. – Ладно Артур. Он не привык к нашим перепадам температуры: то жара, то дождь, то ветер. А ты, Лилёнок, почему вдруг расклеилась?

– Сквозняки в поезде, – хмыкаю я и удивляюсь, насколько равнодушен мой тон.

Кажется, начинаю привыкать к неловкой ситуации. Если мыслить логически, папа ничего не знает, Мейер вряд ли будет распространяться о нашем ночном приключении. Мне не о чем беспокоиться. А соседство с Артуром... переживу как-нибудь. В конце концов, сейчас именно он – гость в нашем доме, а не наоборот.

Папа заводит с Мейером беседу о бизнесе, полностью завладевая его вниманием. Осмелев, исподлобья поглядываю на цербера. Серьезный, решительный, горит своими идеями.

При других обстоятельствах он бы мне... понравился. В нем собраны черты, которые я ценю в мужчинах.

Но отношения, что начались со случайного секса, обречены на провал. Да и не нужны они мне. Я лишь хочу ребенка. Родить для себя – и ни от кого не зависеть.

Ковыряюсь в своей тарелке, не решаясь попробовать блюдо австрийской кухни, название которого даже не выговорю. Вилкой отделяю макароны от капусты, а свободной рукой подпираю подбородок.

– А картошки фри нет? – бубнит Софи.

– Я бы тоже не отказалась, – соглашаюсь со вздохом.

Пересекаемся взглядами и обе тихо хихикаем.

Мейер умолкает, смотрит на нас. И эта тишина хуже ссор и криков. Потому что не знаешь, чего ожидать.

– Сонечка, положить тебе еще что-нибудь? – срывается со стула Алина. Наверняка опять по указке матери.

– Софи, – исправляет ее бусинка.

Не дожидаясь ответа, Алина вываливает на ее тарелку огромную отбивную с каким-то непонятным соусом.

Малышка морщится, отодвигается от стола.

– Я не ем мясо, – заявляет неожиданно. – Я вегетарианка, как мама, – добавляет громко и подбородок вздергивает.

Четко вижу, что это вызов. И брошен он не кому иному, как собственному отцу.

Мейер молчит, стиснув зубы. Рвущиеся наружу эмоции пытается усмирить. Гнев и... боль. С удовлетворением отмечаю, что на дочери он не срывается. Держится до последнего.

– Я заменю тарелку, – беру посуду и поднимаюсь из-за стола.

Расправляю плечи, пытаюсь сбросить с себя внимательный взгляд Артура. Шагаю бодро и уверенно, насколько позволяет подвернутая нога.

За мной бежит Алина с твердым намерением помочь, которое испарятся сразу же, как мы оказываемся на кухне. Она опирается о барную стойку и скупающим взглядом наблюдает за мной.

Заглядываю в холодильник, пытаюсь найти там «нормальную еду» для бусинки. Достая картофельное пюре, зелень, огурцы и помидоры, а еще большой желтый перец.

– Зачем ты?... Это твой папа готовил, – сводная сестра морщит нос, покосившись на кастрюлю с картошкой.

Не могу сдержать теплой улыбки. Знаю. Мачеха не сильна в кулинарии, а вот отцу пришлось научиться. После того, как умерла мама и мы остались вдвоем. Тогда папа полностью взял на себя заботу обо мне. И справился с задачей, как бы тяжело ему не было.

– Вот и отлично, – довольно тяну я. – Овощи помой, – киваю в сторону раковины. – И нарежь.

Алина кривит рот, берет огурец двумя пальцами, а я смотрю на ее нарощенные ногти, украшенные узорами из страз.

– Хотя... сама нарежу, – вздыхаю, устало качая головой.

Разогреваю и накладываю картофельное пюре, ложкой придаю форму.

– Алин, зачем тебе все это? – вопрос срывается с моих уст сам собой. – Тебе нравится Мейер? – уточняю, хотя и так знаю ответ.

Вижу и чувствую ее отношение. Артур явно не герой ее романа.

– Конечно, – мгновенно откликается Алина. – Ты видела, какая тачка у него?

Едва ли не прыскаю от истеричного смеха. Да уж, видела. И внутри была. Полуобнаженная, завернутая в плед. Боже! Будто кто-то другой вселился в меня этой ночью.

– Кхм, – пытаюсь обуздать эмоции. – Тебе же с человеком жить, а не с его... кхм... тачкой, – говорю на ее языке.

Бросаю в рот кусочек огурца, чтобы занять себя чем-то. Не понимаю, в чем дело, но сейчас я невероятно раздражена. Возвращаюсь к сервировке блюда для бусинки, успокаивая себя этим.

– Ну-у, человек, – тянет Алина. – Староват, конечно. Зато помрет раньше и оставит меня богатой вдовой, – хихикает глуповато.

От неожиданности давлюсь огурцом, кашляю, и на глазах выступают слезы.

– Алина! – прикрикиваю на нее сквозь хрип. – Так нельзя!

– Пф, – надувает губы. – Чего ты взъелась на меня вообще! Самой этот Мейер приглянулся? – шипит, как змея, чувствуящая опасность. – Даже не надейся. Я моложе тебя и...

– Стоп, – поднимаю ладонь, останавливая поток оскорблений. – Нет. Я не хочу, чтобы ты совершила ошибку, идя на поводу у матери.

– Так ты на Мейера не претендуешь? – прищуривается с недоверием. – Точно?

Заставляю себя кивнуть. Я не собираюсь участвовать в «соревнованиях», кто быстрее залезет иностранцу в штаны...

Но... Черт! Я и так это сделала уже. Правда, случайно...

Как сложно все!

Прячу взгляд, чтобы Алина не заметила моего волнения.

– А, ну, чудненько тогда, – расслабляется она, наклоняется ко мне через стойку и чмокает меня в щеку. – Вот и не мешай, сестричка.

Морщусь от обращения. Так себе родственницы из нас получились. И мы обе это знаем.

Вздыхнув, выкладываю нарезанные овощи в виде мордочки, украшаю зеленью и...

– Ой, чего паришься. Все равно в желудке все перемешается, – неприятно хохочет Алина и выхватывает у меня тарелку. – Я отнесу.

Не успеваю опомниться, как она исчезает из кухни. Для нее это очередной способ выставить себя в выгодном свете перед Мейером.

А я... просто не хочу, чтобы Софи осталась голодной сегодня.

Позволяю себе пару минут задержаться на кухне и перевести дух, но потом все же возвращаюсь на обед.

Довольно наблюдаю, как бусинка уплетает пюре.

– Вкусно, спасибо, – говорит она, как только я сажусь рядом.

Улыбаюсь с нежностью, приоткрываю рот, чтобы пожелать приятного аппетита, но меня опережает Алина:

– Пожалуйста, я для тебя старалась, – глазом не моргнув врет она.

Изгибаю бровь, глядя на сестру, и демонстративно усмехаюсь. Такой наглости я не ожидала. Алина смущенно опускает взгляд, утыкаясь в свою тарелку.

Остальные все это время наблюдают за нами, но не говорят ни слова. Беру стакан и делаю глоток воды, потому что есть в такой атмосфере не могу. Считаю минуты, когда можно будет уйти.

– На выходных День города, – заводит очередной разговор отец. – Куча мероприятий ожидается. Мэр будет, все его замы. Я думаю, нам тоже надо присутствовать, Артур, – поворачивает голову к Мейеру. – Заручиться поддержкой властей. Нам она пригодится, столько разрешений предстоит получить у них для строительства...

– Да, я понял, – почему-то резко прерывает его цербер, не позволяя закончить фразу. – Согласен. Будем.

– С малышкой Лилёнок посидит, можешь не беспокоиться, – успокаивает друга, но тот становится мрачнее.

– Это лишнее. Софи с нами пойдет, – постановляет Артур, не смотря на меня.

– Не думаю, что это удачная мысль, – спорит папа. – Не дай бог, потеряется в толпе. Народа много будет...

– Я могу за Сонечкой присмотреть, – щебечет Алина после толчка мачехи в бок.

От ее визгливого голоса мы с Артуром одновременно морщимся.

– Меня зовут Софи, – фыркает бусинка и показывает язык.

Легко касаюсь рукой хрупкого плечика малышки и, перехватив ее взгляд, укоризненно качаю головой. Надувает губки в ответ. Но кивает. Слушается.

– Дочь будет со мной, – чеканит цербер еще строже. – Вопрос закрыт.

– Да, я согласна. Хочу на праздник! – восклицает малышка по-немецки и хлопает в ладоши. – Давай золотую рыбку с собой возьмем? – обращается к своему папе, думая, что ее здесь больше никто не понимает. И по имени специально меня не зовет, чтобы остальные не догадались.

Артур молчит, а я вспыхиваю, как спичка. Оказывается, это так волнительно и тепло, когда тебя выбирает ребенок. Я бы ни за что в жизни не отказала бусинке. И даже готова терпеть невыносимого Мейера весь вечер. Лишь бы быть рядом с Софи.

Странные чувства. Непривычные.

Противоречивую ситуацию разрешает звонок в дверь. Лариса подскакивает и бежит открывать. Едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза от ее излишней старательности. Хозяйкой здесь показать себя хочет. Пусть.

Возвращается она с каким-то конвертом в руках. Всматриваюсь – и бледнею.

– Артур, тебе просили передать. Из отеля...

Вслух читает название на сложенном листе бумаги, а я задерживаю дыхание. Вот просила же – лично в руки! Какого черта!

Пожав плечами, мачеха передает конверт Мейеру прямо перед моим носом.

Так близко, что могу протянуть руку и выхватить, но... глупо.

Артур недоуменно хмурит брови.

Он же не будет открывать прямо здесь? При всех?

– Что-то случилось? – беспокоится папа, пока Мейер задумчиво изучает содержимое конверта.

– Нет. Из отеля прислали кое-что. Решили, что забыл, – зеленый огонь неожиданно прожигает меня насквозь. – Но... Я никогда не забываю. И ничего не делаю просто так.

Выдерживаю этот взгляд, с достоинством подняв голову.

Невероятно! Какой же циник и хам!

На секунду представляю, как забираю конверт, рву проклятые деньги на мелкие кусочки – и с наслаждением бросаю в его самодовольное лицо.

Вдох. Выдох.

– Знаете, господин Мейер, – произношу на удивление спокойно, несмотря на бурю внутри, – у нас в России говорят: «Никогда не говори никогда». Судя по всему, – многозначительно киваю на конверт, – в этот раз вы ошиблись.

– Хм, а что происходит? – недоуменно тянет папа, пока мы неприкрыто уничтожаем друг друга взглядами.

– Спасибо за обед, – поднимаюсь из-за стола. – Я устала и пойду к себе.

Чмокаю растерянного отца в щеку, подмигиваю бусинке, наплевав на реакцию цербера. И ухожу в свою комнату, которая все это время стоит нетронутая, будто меня ждет. Намекает, что мне всегда рады в этом доме. По распоряжению папы.

Остаток дня провожу в своей комнате. Неспеша разбираю вещи, расстилаю кровать. Отказываюсь спускаться к ужину под предлогом плохого самочувствия. Папа хмурится, но лишних вопросов не задает. Просто уходит после моего «нет».

Прежде чем закрыть дверь, слышу кокетливый писк Алины, доносящийся из гостиной. Сжимаю ручку так сильно, что холодный резной металл впивается в мою ладонь. Захлопываю деревянное полотно со всей дури, даже петли гремят.

Падаю спиной на постель, сминая покрывало. Устремляю пустой взгляд в потолок и не понимаю, что происходит со мной. Горит все внутри. Наизнанку выворачивает.

Наверное, простуда дает о себе знать. Других объяснений моему странному состоянию нет. Мне плохо от болезни и усталости.

Прикрываю глаза – и теряюсь в беспокойных снах.

Сквозь дрему слышу, как кто-то скребется в дверь. Испуганно подскакиваю, озираюсь вокруг. Темно. Сколько времени я проспала?

Шум становится громче. Следом – раздается слабый, тонкий и до боли родной голосок: – Рыбка Лиля? Ты тут?

Словно на автопилоте, тело само направляется к двери, а рука, будто ватная, поворачивает ручку.

– Бусинка? – растерянно моргаю. – Что ты?..

Договорить не успеваю, потому что Софи отталкивает меня, влетает в комнату и забирается на постель. Прикладывает указательный пальчик к своим губкам:

– Тш-ш. Не выдавай меня. Еле нашла твою комнату!

Выглядываю в коридор, замечаю худенькую фигурку Алины в полумраке – и бесшумно прикрываю дверь, пока сестра не заметила.

Опускаюсь на край кровати, рядом с бусинкой. Смотрю на нее с укором. А она вдруг протягивает мне какой-то сверток.

Принимаю. Достая из пищевого пергамента булочку. Удивленно смотрю на Софи.

– Ты же не ужинала, – говорит таким тоном, будто я совсем глупая.

Глаза щиплет. Зажимаю нижнюю губу пальцами, чтобы не расплакаться. Ломаю булку, даю половину Софи, вторую кусаю сама.

– Ну, рассказывай, что случилось, –двигаюсь ближе к малышке.

– Я днем с папой была, и все было хорошо. Но вечером он закрылся с Михаилом в кабинете, чтобы дела обсудить, а ко мне опять Алина пристала. Ну, я предложила ей поиграть в...

Не может вспомнить название, поэтому объясняет по-немецки.

– Прятки? – догадываюсь я.

– Да, точно, – хлопает в ладоши. – Я спряталась. Она пусть ищет, – хохочет Софи. – А ты по-немецки говоришь, да? – уточняет на своем. – Расскажи мне какую-нибудь сказку, пожалуйста. Надоел русский.

– Ладно. Хмм, – перехожу на немецкий. – Может, «Красавицу и Чудовище»?

Бусинка радостно кивает и ложится, укладывая голову мне на плечо. Обнимаю малышку, чмокаю в макушку. Начинаю рассказывать. Правда, не помню подробностей. Поэтому импровизирую.

– Слушай, а у Чудовища дочь есть? – вдруг спрашивает Софи.

– А должна быть?

– Ну, ты так описываешь, что Чудовище на папу моего похож, – подмечает она то, что я сделала произвольно. – Пусть тогда у него будет дочь Бусинка, – довольно тянет.

– Пусть, – судорожно выдыхаю. И продолжаю, стараясь контролировать свои... «описания».

Через некоторое время Софи засыпает. Я укрываю ее пледом.

Собираюсь и сама вздремнуть, но в дверь стучат. Аккуратно поднимаюсь, чтобы бусинку не разбудить, и иду на цыпочках.

На пороге – цербер. Привычно злой. Едва ли не дым из ушей валит. Устало закатываю глаза, вгоняя его в ступор своей реакцией.

Ну, а что вы хотели, господин Мейер, не все здесь стелиться перед вами будут.

Он делает глубокий вдох, наверняка готовится наорать на меня. Но я накрываю его рот ладонью. Опять дезориентирую.

– Тихо, не шуми, – приказываю строго. – Софи здесь. Спит.

Отхожу от двери, пропуская Артура в комнату. Взмахиваю рукой в сторону кровати, где сопит бусинка. С грустью наблюдаю, как цербер забирает ее у меня. Свою дочь. На которую я не имею права.

Вздыхаю шумно.

Мейер останавливается у выхода, оглядывается, буравит меня взглядом.

– Я знаю, чего ты добиваешься, Лилия. Как и твоя сестра, – заявляет внезапно. – Не тратьте силы.

– М-м-м, что? – искренне недоумеваю.

– Я сниму дом. Мы с Софи переедем через пару недель, так что...

– Буду ждать с нетерпением, – ядовито перебиваю. – И шарики в воздух запускать в честь такого события.

Цербер морщится, будто я его ударила. В этот момент бусинка на его руках ерзает, бормочет что-то сквозь сон. И мы оба умолкаем. Артур меняется, словно по волшебству, с нежностью смотрит на дочь – и, наконец, уходит.

Переодеваюсь в пижаму, однако уснуть больше не могу. Видимо, отдохнула за день. Выждав около часа, спускаюсь в гостиную. Наливаю себе стакан воды, но вдруг понимаю, что невероятно голодна. Я весь день не ела: странные австрийские блюда, к которым я не притрунулась, и кусок булки не в счет.

Подумав, решаю наплевать на фигуру – и крадусь в кухню. Основной свет выключен, а тусклые встроенные в мебель лампочки замечаю не сразу.

Как и мощную мужскую фигуру у окна.

Вздрагиваю и выпускаю из рук стакан, который со звоном разлетается на осколки.

Глава 10

Артур

«Повезло» же Михаилу с дочерьми. Одна упорно пытается залезть в мою постель. А вторая... только что оттуда. Старшенькая сработала на опережение. Я же повелся, как дурак, на девушку, попавшую в беду. Как по нотам все разыграла, себя не жалея.

Софи обмолвилась, что видела Лилию в офисе Врагова. Я ее не запомнил даже, но она наверняка еще тогда меня приметилла. Не зря же стремилась к папочке на юг. Ведь крайне нелогично – бросать престижную работу в столице ради того, чтобы уехать в глушь и стать нянкой для дошкольницы. Только если не преследуешь иные цели.

Михаил рассказал ей, кто я и какие у меня планы. Вот Лилия и зацепилась.

Я еще удивлялся, как можно быть такой невезучей. То изнасиловать ее пытались, то сама чуть не утонула.

Плывать она не умеет. Нетопырь. Да, конечно. Уши развесил. Тешился от ее непосредственности.

Интересно, Лилия с подачи мачехи все это провернула? Мне показалось, отношения у них натянутые. В свою очередь, Лариса усиленно пытается Алину под меня подложить.

Значит, Лилия сама. И весьма успешно. Конечно, она ведь старше, опытнее. Не то, что пустышка сестра.

Теперь еще за дочь мою принялась. Подход нашла. Зря.

Вот же семейка! Как среди змей Миша выживает? Впрочем, я сам с такой же коброй жил. Пока она не предала меня и жестко подставила.

К сожалению, мы, мужики, слепыми идиотами становимся рядом с женщинами. Очевидного не замечаем.

– Ой!

Дергаюсь, когда слышу звон бьющегося стекла. На кухне я больше не один.

Опять Лилия. Стоит в полумраке, ресничками хлопает. Ноги босые, а вокруг – вода и осколки.

Стакан уронила. Случайно? Сомневаюсь.

Но я снова ведусь. Машинально приближаюсь, под бедра ее подхватываю, а потом усаживаю на стол. Надо бы стекло убрать, однако я не могу оторваться от Лили. Веду руками к талии, сжимаю.

Злюсь на себя за слабость, но выплескиваю эмоции на девчонку.

– Ты что здесь забыла? – а сам рассматриваю ее вблизи.

«Умница, красавица...» – вспоминаю слова Михаила.

– Вообще-то я в своем доме, – огрызается она.

«Мастер на все языки». Ну-ну. Здесь и не поспоришь.

Воронин пылинки с дочери сдувает, считает ее чистой, непорочной. Маленькой девчонкой. Все мы, отцы, одинаковые в своей любви к детям.

Рассказать бы, что его скромница вытворяла минувшей ночью. Но нет. Я ведь крайним окажусь. Порвет он меня за то, что «Лилёнка» тронул. Понимаю и разделяю позицию Миши. Я бы и сам убил за свою дочь.

Дерьмо!

Угрозило же так вляпаться! Не хватало еще из-за этой... друга потерять. Мы с Михаилом лет пять знакомы. Впервые пересеклись, когда он в Австрию прилетел по вопросам бизнеса. Контакты налаживал, договоры заключал. Сначала мы разругались. Не сошлись по нескольким пунктам контракта. Миша меня еще тогда «зеленым» обозвал. Притом что десять

лет разницы всего у нас. Я думал, что вовсе никаких дел с ним иметь не буду. Но со временем мы оба поменяли свои взгляды.

Когда-то я помог ему, а сейчас... мне и самому пришлось обратиться к нему за поддержкой. Жизнь – интересная штука. Никогда не знаешь, когда упадешь. И кто всадит нож в спину...

Вот и сейчас. Разочаровываюсь в очередной раз. Всматриваюсь в красивое, но хмурое личико Лили и ругаю себя за то, что клюнул на нее.

Еще и виноватым себя считал после той ночи. С трудом покинул отель. Возвращался несколько раз под разными предлогами. То чемодан привез, то денег на проезд оставил, то... просто сидел и смотрел на нее. Спящую, нежную, беззащитную.

И почувствовал себя полным идиотом, когда она появилась в доме моего друга. Чтобы дальше претворять свой план в жизнь.

Деньги вернула. Как будто я не понимаю, что это всего лишь кокетство. Недотрогу изображает. Действительно, зачем брать маленькую сумму, если можно сорвать большой куш. По крайней мере, она на это рассчитывает.

Только в своем гениальном плане Лиля ошибку допустила. Адрес. Заранее в курсе была, где я остановился.

– Не знаю, к чему ты привыкла, но я оставил тебе деньги на такси, потому что свои ты утопила, – рычу ей в ошеломленное лицо.

– Кхм, я... – прячет взгляд.

Ясно, о чем подумала.

– Ты как добралась вообще? – вопрос сам вырывается.

Перед глазами возникает образ Лили, которая ловит попутку. Садится с каким-нибудь мутным типом. Вроде того блондина на пляже.

Завожусь.

Хотя ситуация с потерей денег и документов, скорее всего, тоже была уловкой...

– Папу попросила такси оплатить, – шепчет она тихонько.

Такая милая, наивная. Папина дочка.

Сжимаю хрупкие плечи, вырываю из ее груди слабый стон, отдаленно напоминающий те, что она издавала минувшей ночью. Уношусь мыслями туда.

Жадно скольжу взглядом по лицу Лили, ее приоткрытым губкам, спускаюсь по тонкой шее, на которой виднеются слабые розовые следы. Мои метки. Останавливаюсь на невзрачной хлопковой маечке, что выглядывает из распахнутого халата. Так просто, по-домашнему, совсем не эротично, а меня замыкает.

Остатки мозгов стекают вниз. Хочу сорвать с нее эту тонкую ткань, почувствовать бархат кожи и...

Давай, закопай себя еще глубже! Разложи дочь друга прямо на столе в его же кухне. Почему нет? Если подставляться, так по полной.

Отпускаю Лилу, прячу руки в карманы. От греха подальше.

Давно меня так на женщине не клинило. Да что уж там. По-настоящему лишь один раз в жизни сорвало. С женой бывшей. Но я урок запомнил. Вызубрил.

– Ты себя недооцениваешь, – хмыкаю я, пытаюсь остудиться. – Если бы я платил тебе за услуги, то сумма была бы значительно больше.

Маленькая ладошка обжигает лицо пощечиной. Лиля округляет глаза, сама пугаясь того, что сделала.

Совсем заигралась лицемерка.

– На первый раз прощаю, – чеканю холодно. – Но не смей больше так делать.

Разворачиваюсь, чтобы уйти. Делаю пару шагов – и слышу, как под подошвой хрустит стекло. Забыл совсем про разбитый стакан. В эту же секунду Лиля соскакивает со стола. Точно ноги поранит.

Назад.

Подхватываю ее на руки, в пару широких шагов преодолеваю кухню – и резко ставлю на пол. Хочу, чтобы ушла. Немедленно. Придаю ей ускорения легким, но обидным шлепком по попе.

Не удержался, придурок старый.

Лилия ойкает, сверлит меня гневным взглядом, сжимает кулачки, но руки больше не выпускает. Фыркает – и сбегает. На ходу грубо ругает меня по-русски.

Какой еще «цербер»?

Глава 11

Несколько недель спустя

Лили

Опускаюсь на скамейку в саду своего отца. Сажусь полубоком, закинув ногу на ногу и облокотившись о покатую деревянную спинку. Вдыхаю аромат цветов, смешанный с морским воздухом.

И я словно возвращаюсь в детство. Беззаботное, счастливое. Кажется, вот-вот покажется мама. С соком и выпечкой в руках. Подойдет, поставит блюдо на край скамьи, а сама чмокнет меня в лоб и обнимет крепко...

Прикрываю глаза, замираю с блаженной улыбкой на лице.

Несмотря на нахлынувшую грусть, мне хорошо сейчас. Недаром говорят, дома и стены лечат. И хоть физически вылечить меня невозможно, однако на душе становится легче.

Даже мачеха со сводной сестрой не омрачают моего настроения. Тем более, у них нет на это времени. Ведь они вплотную заняты Мейером. Душат его своим вниманием.

Цербер... Честно, порой мне даже жаль его. Интеллигентный, сдержанный, гость в этом доме, он ни разу не позволил себе даже голос повысить. Хотя я видела, как ему хотелось послать их обоих. Далеко и надолго.

Усмехаюсь, вспоминая лицо Мейера каждый раз, когда рядом визжит Алина. Сестра не видит, что лишь отпугивает свою «жертву». Недаром Артур так быстро дом нашел и планирует переезжать на днях, чему Лариса не рада.

Сначала я думала, он принял это решение из-за меня. Но позже поняла, что слишком преувеличиваю значение нашей ночи для него. И перестала вести себя как глупая малолетка рядом с объектом своего воздыхания. Мы взрослые люди, ничего сверхъестественного между нами не случилось. Переспали по обоюдному согласию – и забыли. Правда, последнее мне дается с трудом...

К знакомым запахам сада примешивается новый. Мужской, дурманящий, сводящий с ума все внутри.

Чувствую, как Артур подходит ко мне со спины. Как всегда, молча, словно каждое его слово стоит денег. Вечно чем-то недовольный. Но я привыкла и научилась игнорировать как его настроение, так и свои эмоции рядом с ним.

– Доброе утро, господин Мейер, – бросаю, не оглядываясь. Сухо и немного ехидно. Знаю, что ему не нравится это обращение. Зато оно позволяет мне возвести стену между нами.

Господин Мейер. Он сам себя так поставил. Друг и деловой партнер моего отца. На этом точка.

Артур покашливает с негодованием, становится рядом.

– Доброе, – цедит бесстрастно. – Где Софи?

– Бусинка на качелях, – указываю рукой на площадку, что укрыта от взора Артура боковой стенкой арки, увитой розами.

Мне же со своего места хорошо видно Софи. Поэтому и выбрала эту скамейку. Невзначай я приглядываю за малышкой, хоть рядом с ней и суетится Алина. Сестре не доверяю.

– У нее есть имя, – привычно бубнит Артур.

Наклоняется, опираясь двумя руками о спинку скамьи. Оказывается так близко ко мне, что чувствую жар его тела.

– Да, у бусинки очень красивое имя. Долго выбирали? – намеренно цепляю Мейера, потому что убеждена: назвала так малышку его жена.

Бывшая. Не удивительно, что даже она не выдержала цербера и сбежала. Странно только, почему дочь бросила. Впрочем, со своими связями и деньгами Артур вполне мог лишить ее прав.

Зверь. Но мне нравится дергать его за усы.

Запрокидываю голову, чтобы нагло посмотреть на него и ухмыльнуться. Но теряюсь, когда мы встречаемся взглядами. Его лицо прямо над моим. Свободного пространства минимум. Ощущаю его дыхание на коже, слышу, как оно сбивается.

Несмотря на то, что сердце выпрыгивает из груди, я нахожу в себе силы вопросительно изогнуть бровь и дерзко вскинуть подбородок.

Артур мгновенно мрачнеет и выпрямляется.

– Что вы делаете, Лилия? – неожиданно спрашивает.

Непонимающе свожу брови, а он кивает на смартфон в моей руке. На экране открыта вкладка браузера с вакансиями.

– Ищу работу, – возвращаюсь к дисплею. – Раз уж вы во мне не нуждаетесь...

– Не нуждаюсь, – выпаливает цербер раньше, чем я успеваю закончить фразу.

Вспыхиваю. Как двусмысленно это сейчас прозвучало. Будто я предлагаю себя, а меня не хотят...

– Прекрасно. Значит, пойду работать, – пожимаю плечами.

– Почему не вернетесь к Врагову?

Они с мачехой сговорились, что ли? Все хотят от меня скорее избавиться.

– Не могу пока, хочу с папой побыть, – признаюсь чуть слышно. – Подальше от всего... этого.

Не вовремя вспоминаю свои визиты к врачам. Приговор. «Рекомендации».

Мозгом понимаю, что с моим переездом на юг проблема не исчезла, но... Морально мне здесь легче. Хотя я ни слова не сказала отцу. Даже когда он заикнулся на днях о моей личной жизни. О внуках, которых «ему пора нянчить». Промолчала.

Уверена, папа заподозрил, что со мной что-то не так. Он с детства меня чувствует. Но не попрекнул, а лишь обнял по-отечески, успокаивая.

Нет, я не готова уехать сейчас. Там меня ждет полное одиночество...

– Подальше от чего? – не отстает цербер.

– Не важно, это личное, – пресекаю его. – У меня свои причины задержаться дома.

– Не сомневаюсь, – строго отрезает он.

Опять злится?

Артур, хмыкнув, шагает прочь от меня по тропинке, усыпанной камушками. Кажется, что они загорятся под его подошвами.

Цербер идет к дочери. Знаю, что рядом с ней он успокоится. Станет другим. Заботливым и любящим отцом. Позволяю себе понаблюдать за его преображением. Закусив губу, чтобы сдержать улыбку, «подглядываю», как Софи замечает папу и радостно мчится к нему. Артур приседает, а малышка буквально повисает на нем, обвивает мощную шею тоненькими ручками.

Семейная идиллия.

– Долго ты будешь мешать сестре? – раздается над ухом.

– М-м-м, что? – неторопливо поворачиваю голову и вздрагиваю от уничтожающего меня взгляда.

Мачеха нависает надо мной, уперев руки в бока, и смотрит с неприкрытой ненавистью. Если бы умела, то обратила бы меня в пепел – и развеяла по ветру над морем.

– Чего здесь сидишь? Отвлекаешь внимание Артура от Алиночки?

Впервые за все эти дни Лариса показывает свое истинное лицо. Срывается. Потому что мы наедине.

– Может, хватит навязываться? – сама не понимаю, почему меня раздражает даже мысль о возможных отношениях сестры с цербером. – Она ему не нравится, это же видно!

Тыкаю пальцем в направлении площадки. Как раз в этот момент Мейер поднимается, берет дочь на руки – и легким кивком головы просит Алину уйти. Та медлит, теряется. Будто совета мамы ждет.

– Потому что ты рядом, – находит причину мачеха. – И соблазняешь его!

– Что-о? – повышаю голос, и глаза сами округляются от шока.

– Для отца образ невинной овечки побереги, – выплевывает ядовито. – Я вижу, как ты ведешь себя с Артуром. И как он на тебя смотрит. Особенно, когда ты с его мелкой возишься. Нашла у мужика слабое место?

– Чушь какая! – фыркаю, не сдерживая эмоций.

– Уйди с дистанции. Иначе я найду способ от тебя избавиться, – переходит на открытые угрозы.

– Я не участвую в этом забеге! – не сдаюсь до последнего, хотя мне больно и хочется расплакаться от такого отношения. – Интересно, а папа в курсе вашего соревнования? – бросаю как бы между прочим.

– Только попробуй... – пищит Лариса.

Резко поднимаюсь со скамейки. Бросаю последний взгляд на цербера и бусинку. Мейер оглядывается, будто чувствует, что я смотрю.

Киваю ему, «передавая» малышку под присмотр, и он отвечает тем же, «принимая» свое сокровище. У нас как-то негласно это получается. Артур упорно отвергает мою помощь, но при этом дочь оставляет, только когда рядом или я, или мой отец. А еще без тени злости каждый вечер забирает спящую Софи из моей кровати. Поначалу запретить ей пытался, но понял, что бесполезно. И смирился.

– Кхм-кхм, – многозначительно кашляет мачеха.

Не оглядываясь на нее, мчусь к дому. Влетаю, хлопнув дверью. Но немного остываю, столкнувшись в гостиной с папой.

– О, я как раз тебя искал, – радуется он и протягивает мне деньги. – Держи.

Отшатываюсь и недоуменно поднимаю брови.

– Не нужно, пап. Зачем? – прячу руки за спиной. – Я же дома все время. Скоро работу найду. Не хочу жить нахлебницей здесь.

– Брось, ты что! К празднику себе новых вещичек прикупишь, штучек всяких женских. Ну, мне ли тебя учить. Лора с Алиной половину банковского счета на «дамские расходы» вытянули...

– Может, им следует затянуть пояса? Или самим заработать, – цежу, едва сдерживая злость и обиду. – Для разнообразия?

– Деньги нужны, чтобы их тратить, – отмахивается папа. – Бери.

– Нет, – качаю головой. – И я не иду на День города. Мне это не интересно.

На самом деле, не хочу смотреть, как весь вечер Алина будет красоваться перед Артуром. И предлагать ему себя в новой красивой обертке. Достали все.

Но папе я это не озвучиваю. Не рассказываю и о том, как разговаривала со мной мачеха в саду. Я не маленькая девочка, чтобы жаловаться. Как бы не хотелось порой ощутить себя таковой.

Чтобы не сорваться, направляюсь в сторону своей комнаты.

– Лилёнок, придется, – просит папа. – Иначе этот австриец упертый опять дочь где-нибудь потеряет.

Замираю посередине гостиной и понимаю: отец прав...

– Сразу видно, что не наш, – продолжает бурчать. – У нас ведь как: дают – бери, бьют – беги. А этот... дома снимает, нянек ищет. Все сам, без помощи. Гордый. В его-то положении...

Мозг цепляется за последнюю фразу, прокручивает снова и снова. Пытается осознать.
– Каком положении?..

Случайность вторая. Глава 12

Выходные

Лилия

Стараюсь не слушать шум и голоса за стеной, но до меня все равно доносятся отдельные фразы.

– Нет, скучно. Примерь лучше это.

Мачеха чересчур громко и воодушевленно инструктирует дочь. Сегодня Алина должна блистать. И, судя по боевому настрою обеих, не только разделить с Мейером вечер, но и желательно постель. «Обновить» снятый им дом, куда он вчера перевез почти все вещи.

Невольно морщусь от одной мысли об этом. Успокаивает лишь то, что Артур видит их обеих насквозь. Впрочем, почему вообще меня должно волновать, кто окажется в его кровати?

– Представь, какие женщины в Австрии вокруг него вились! Надо соответствовать. Результат с лихвой окупит затраченные деньги и силы, – уверенно постановляет Лариса. – Ни в чем нуждаться не будешь.

Знали бы они правду... Мне даже интересно было бы посмотреть их разворот на сто восемьдесят градусов – и курс на поиски новой жертвы. Но я пообещала папе молчать. Точнее, он и не рассказал мне ничего. Затих сразу же после своей небрежно брошенной фразы. Видимо, друг просил не распространяться. Но я и так все поняла. Не от хорошей жизни Мейер в России очутился, бросив бизнес в Австрии. Дело не только в разводе. И уж тем более не в разбитом сердце. Откуда оно у стального цербера?..

– Да, Мишенька, я сейчас Лилию позову, – приторно щебечет Лариса, приближаясь к моей двери.

Стоит ей войти, как улыбка сползает с ее лица и уступает место задумчивости. Мачеха оценивает меня с ног до головы. Мысленно измеряет уровень исходящей от меня опасности.

Усмехаюсь и складываю руки на груди. Я не потратила ни рубля из тех денег, что папа все-таки всучил мне. Верну потом. Или куплю что-нибудь ему. Отец о себе совсем не думает – все мачеха с сестрой вытягивают. Не хочу быть, как они.

Так что на праздник, до которого мне нет никакого дела, я выбрала одно из своих сдержанных офисных платьев. Правда, мое любимое. Приятного бирюзового цвета, облегающее фигуру, но при этом ничего не выпячивая, с прикрытыми плечами и коленями. Я чувствую себя в нем комфортно – и это для меня сегодня важнее всего. Ведь я планирую присматривать за бусинкой. Даже туфли выбрала на невысоком каблуке – в них удобнее бегать за неугомонной малышкой в случае необходимости. И волосы наверх убрала, чтобы не путались и не так жарко было. Переменчивая погода то и дело подкидывает испытания в виде резкого потепления и повышенной влажности.

Этим вечером я готова ко всему. Безусловно, кроме того, чтобы соблазнять Мейера, как обо мне говорила мачеха. Наоборот...

Убедившись, что я не составлю конкуренции шикарной Алине, Лариса хмыкает снисходительно, кивает в сторону выхода, словно отдавая мне команду, а потом покидает комнату.

На улицу выхожу последней. Наблюдаю, как Алина в чересчур коротком платье залезает в папину машину, нервно и растеряннo отдергивая юбку. Такое чувство, что ей самой неудобно. Но пойти против мнения матери равно самоубийству.

Ловлю на себе прожигающий взгляд Ларисы и вздрагиваю, когда рядом появляется Мейер, берет меня за локоть – и аккуратно, но настойчиво ведет к своему лексусу.

Замираю перед распахнутой пассажирской дверью – и недоуменно смотрю на Артура.

– Мы поговорили с Михаилом и решили, что ты поедешь со мной, – бесстрастно ставит меня перед фактом.

Собираюсь возмутиться, вырваться и отправиться к папе, ведь в его автомобиле есть свободное место. А Мейер пусть Алину себе забирает. Почему именно я должна терпеть угрюмого цербера всю дорогу? Я планировала пересечься с ним на празднике, забрать бусинку – и приглядывать за ней, пока он занимается делами. Но...

– Рыбка Лиля, быстрее, пожалуйста, – радостно выкрикивает из салона Софи. – Ты знала, что на празднике будут живые скульптуры? Хочу посмотреть!

– Да, бусинка, – отвечаю на автомате, а сама не сжову взгляда с невозмутимого Мейера.

– Ой, ремень расстегнулся, – ойкает Софи, а мы оба поворачиваем к ней головы.

– Подожди, не дергай, я помогу, – реагирую мгновенно и сама не замечаю, как оказываюсь в просторном салоне лексуса.

Бусинка сидит в автокресле, ножки прикрыты тем самым пледом с котиками. Замираю на мгновение и судорожно сглатываю.

– Все в порядке, справились? – приводит меня в чувство голос цербера.

– Да, – откликаюсь и быстро защелкиваю пятиточечный замок на ремнях.

Через секунду за мной захлопывается дверь, заставляя почувствовать себя в ловушке. Приходится смириться с тем, что праздничный вечер с самого начала пошел наперекосяк.

Откидываюсь на спинку кресла, но время от времени поглядываю на Софи. Слежу, чтобы не трогала ремни. Она же болтает всю дорогу. Возбужденно размахивает ручками, эмоционально вскрикивает. И я искренне удивляюсь выдержке Артура. Даже у меня голова от малышки начинает ныть. Но я вспоминаю двойняшек моей подруги Алисы – и улыбаюсь с нежностью. Бусинка – еще цветочек по сравнению с ними.

– Ну, па-ап, почему не отвечаешь! – обиженно восклицает разбаловавшаяся Софи и бьет ножками в спинку.

– Сокровище, все слышу, на все согласен, – на удивление ласково отзывается цербер по-немецки. – Договорим, когда приедем.

Мне тепло от его тона. Какой же Артур все-таки... переменчивый. И не совсем понятный для меня. Но отец хороший. О таком можно только мечтать для своих детей...

– Па-ап! – повышает Софи голосок. Кажется, малышку не остановить.

В этот момент машину Артура кто-то подрезает. Цербер резко выкручивает руль, заставляя нас с бусинкой подпрыгнуть в креслах. Скрипит зубами, с трудом сдерживая ругательства.

Хмыкаю с сарказмом. Это вам не Австрия, господин Мейер, где все ездят по правилам. У нас и в обычное время действует единственное правило: «Дай дорогу дураку». А в праздники, когда главная площадь перекрыта, трафик и вовсе сходит с ума.

И все-таки понимаю, что нашего правильного педанта-водителя надо спасать. Поэтому наклоняюсь к Софи.

– Бусинка, папа за рулем. Не отвлекай его, – говорю ей тихонько, но мне кажется, что цербер слышит. – Он следит за дорогой и заботится о нашей безопасности.

– А-а-а, – с пониманием тянет она. – Заботится о нас, значит. Потому что любит?

Бусинка явно вспомнила сейчас наш с ней разговор в компании Врагова. И почему я постоянно должна отца ее оправдывать? Но выбора нет.

– Конечно, папа тебя любит, – улыбаюсь, игнорируя тот факт, что спрашивала она во множественном числе.

Чувствую взгляд Мейера, на миг поднимаю глаза на зеркало заднего вида, встречаюсь там с его, потемневшими каре-зелеными, – и спешу отвернуться.

– Только меня? А... – хочет уточнить бусинка, но я прикладываю палец к губам, давая ей знак притихнуть.

– Лилия, пристегнитесь тоже, – внезапно обращается ко мне Артур. – Мы на трассу выехали, – и добавляет на выдохе. – Наконец-то.

Фраза цербера в моем восприятии почему-то звучит как приказ заткнуться. Еще и этот его очередной переход на «вы». Поэтому делаю, как он говорит, и отворачиваюсь к окну, остаток пути сохраняя молчание.

Как только мы добираемся на место и выходим из машины, к нам приближается отец. Один. Не знаю, куда он отправил Ларису с Алиной, но искренне благодарна ему за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.